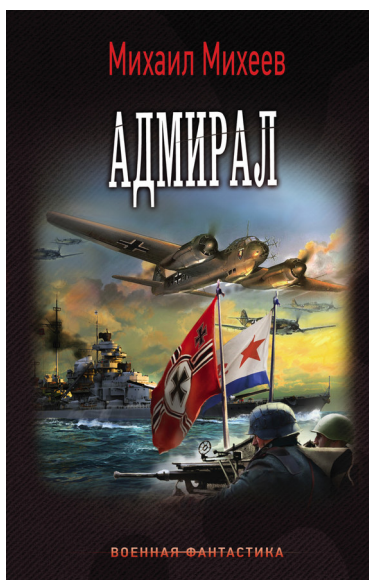

Михаил Михеев

АДМИРАЛ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика

Михаил Михеев

Адмирал

«АСТ»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михеев М. А.

Адмирал / М. А. Михеев — «АСТ», — (Военная фантастика)

Если вы стоите перед выбором жизнь или смерть — ответ очевиден. Но вот как прожить доставшиеся тебе годы и что совершить, зависит от тебя. И вот ты в стане врагов, ты один из них. Как предотвратить войну, как спасти миллионы соотечественников, если именно тебе предстоит вести на них броненосные армады? Разве что попробовать сыграть в собственную игру, вот только... хватит ли у тебя сил, Адмирал?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Михеев М. А.
© АСТ

Михаил Михеев

Адмирал

© Михаил Михеев, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Вы безумно элегантны
На паркетах и коврах.
И к лицу вам аксельбанты,
И к лицу вам черный фрак.
Вы – везучий, ох, везучий! —
Словно нет на вас пальбы...
И все решат, на всякий случай,
Что вы – Баловень Судьбы!
И все решат, и все решат...
А, может – правда?
(Алькор «Баловень судьбы»)*

Соленые брызги на лице... Откуда они? Рефлекторный жест, стирающий их со лба, – и удивление. Рукав из жесткой материи. Какой рукав? Пижаму он не надевал, не любил их с детства, и даже сейчас отказался, лежал в майке. Впрочем, сейчас он стоит. Почему стоит? И почему так холодно? И откуда, черт побери, брызги? Лишь после этого вопроса он открыл глаза.

Перед ним было море. Огромное, холодное, без малейших признаков голубизны. Серые и тяжелые, как свинец, волны перекатывались отчего-то бесшумно. Нет, не бесшумно, просто их шелест заглушал глубокий, ровный гул, идущий почему-то из-под ног. В этот момент его качнуло, и он еле устоял на ногах.

– Герр адмирал, вам нехорошо?

Он на несколько секунд замер, вслушиваясь в себя, и не понимая, что здесь еще не так. И лишь секундой позже осознал – вопрос был задан не по-русски. Немецкий, да – он его никогда не учил, но, было дело, сталкивался с бошами и отличить их язык от английского или французского мог вполне. Но главное, он не только смог узнать его, но и понял, что ему сказали, причем так, словно немецкий язык был ему родной...

Медленно обернувшись, он обвел глазами стоящих позади него людей. Их оказалось неожиданно много, одетых в незнакомую черную форму с витыми погонами. Погоны он узнал – в фильмах о войне видел. Такие погоны носили... немцы? Да, немцы. Фашисты. А еще он понял вдруг, что перед ним не только море, а еще и палуба корабля, утыканные орудиями пирамиды надстроек и, как апофеоз, жуткие в своем бронированном совершенстве орудийные башни. И в этот момент он вспомнил все!

Рак. Последняя стадия. Этот диагноз Иван Павлович Колесников воспринял почему-то спокойно. В конце концов, если тебе далеко за восемьдесят, к вопросу жизни и смерти начинаешь относиться философски. Тем более если пережил не только жену, но и детей, внуки где-то далеко и разве что звонят по праздникам, а сама жизнь не только не легкая, но и совсем небогатая. Скорее даже, наоборот. Впрочем, чего еще ждать математику и кандидату наук, всю жизнь преподававшему в провинциальном вузе и не дотянувшему к пенсии даже

до профессора? Да ничего. Оставалось только привести в порядок дела (завещание написать да за коммуналку заплатить) и спокойно ждать конца.

В больницу не клали долго, да он и не настаивал. Только когда боль стала такая, что не получалось уже терпеть, он обосновался в небольшой палате, рассчитанной на четверых, но вмещающей почему-то шесть кроватей. И там, под храп соседа и шлепанье засаленными картами двух других, он и стал ожидать конца. В конце концов, оставались считанные дни, врачи это даже не скрывали.

В тот день он понял, что – все. Как? Да просто ничего не болело. Ремиссия – он читал про это. Уставший организм в последние часы отдает все резервы, некоторым это даже кажется признаком выздоровления, но на самом деле так ощущается первое дыхание смерти. Сколько осталось? Да несколько часов, вряд ли больше, но пока что его это не волновало. Пользуясь моментом, он отдыхал.

В этот момент и пришел Рабинович. Классический такой Рабинович, с круглой, окаймленной венчиком кучерявых волос, лысиной, пейсами, массивным висячим шнобелем и прочими атрибутами истинного еврея. Впрочем, Ивана Павловича и раньше это не волновало, а сейчас тем более. Да и знакомы они с Рабиновичем были, кажется, целую вечность. В институт пришли одновременно, были ровесниками и коллегами, хотя работали на разных кафедрах. Вдобавок, жили по соседству, через подъезд, и, хотя друзьями их никто не считал, хорошими знакомыми, которые не только здороваются при встрече, но и имеют общие интересы и вполне могут запросто зайти друг к другу в гости, чтобы посидеть за бутылочкой чего-то крепкого, они были. Так что Колесников даже обрадовался – в конце концов, хоть попрощаются. Да и вообще, это был первый человек, который навестил его за полуторанедельное пребывание в больнице.

– Ну что, Иван, как здоровье? – Рабинович выглядел бодро. Он вообще, в отличие от многих евреев, никогда и никому не демонстрировал вселенскую скорбь и не считал, что весь мир ему должен на том основании, что он ведет свой род от какого-то Моисея.

– Нормально, завтра умру. Или, может, сегодня, ближе к вечеру.

– Ну, ты давай не спеши. И вообще, такими вещами не шутят.

– Да я и не шучу, – пожал плечами Колесников. – Просто знаю.

– Еще пожить хочешь?

– Если так, как сейчас, то боже упаси.

– А здоровым, бодрым и наглым?

– Шутник ты, Соломоныч.

– Не шутник. Ладно, ходить можешь?

– Сегодня могу.

– Вот и хорошо, пойдем тогда, покурим. Тебе уже, наверное, все можно.

Они стояли в выстуженной морозом, заплыванной курилке, где нормальным людям не хотелось задерживаться даже на минуту, и Рабинович излагал ему свой план. Фантастика, смешанная с идиотизмом, еще год, да что там, пару месяцев назад иного эпитета от Колесникова эта затея и не удостоилась бы. Но сейчас – дело иное. В конце концов, Рабинович предлагал ШАНС! Зыбкий, убегающе малый, но все же шанс. От такого грешно отказываться. Не बारे, чтоб харчами перебирать. Всего-то и надо, что из больницы уйти. Врачам наплевать, а триста метров до дому он как-нибудь пройдет. И Колесников согласился, логично рассудив, что хуже уже не будет.

Стакан крепкого чая. Последний – в жизни или здесь, уже не важно. Неспешный разговор. Тоже последний. А потом жесткая койка, к которой Рабинович его буквально прикрутил. На всякий случай – вдруг задержится, оборвет провода... Оно надо? Последний взгляд на старомодный, перечеркнутый длинной трещиной, белый потолок. А теперь закрыть глаза. Процесс еще не начался, можно просто полежать, отдохнуть – усталость навалилась, словно

тяжелое бревно. Он знал, что это такое – в железнодорожных войсках когда-то служил, и при прокладке новых дорог приходилось, в том числе, и лес пилить. Сейчас ощущения были очень схожие, но, как ни странно, ничуть не мешающие думать.

То, что предложил ему Цезарь Соломонович, и впрямь походило то ли на безумие, то ли на ненаучную фантастику. Тем не менее, в изложении старого еврея звучало все чертовски убедительно. Да чего уж там, умел Рабинович убеждать, именно поэтому, когда требовалось что-то продать, к ректору всегда посылали именно его. И он шел, смиренно сидел в приемной, потом выдерживал начальственный ор – и получал, что требовалось. При этом никогда не забывая про собственный гешефт. Однако гешефт этот, как правило, заключался в чем-нибудь вроде тортика или коньяка, которые потом всеми вместе дружно и употреблялись. За это Рабиновичу прощали и выразительную внешность, и картавость, и даже полное нежелание ставить нужные оценки детям нужных людей. А самое интересное, он всегда и со всеми ухитрялся оставаться в хороших отношениях. Как? Про то знал только он сам и навыками делиться не спешил.

И кто бы мог подумать, что у насквозь рационального Рабиновича имеется некая страстишка. Причем не тайная – он просто ее не афишировал, а потому никто не обращал на нее внимания. Колесников, к примеру, точно не подозревал. Да и знал бы – так что с того? Кто-то интересуется чужими женами, кто-то рыбалкой... Рабинович любил фантастику.

Какой уж выверт сознания заставил его увлечься идеей о переселении сознания, не вспомнил бы теперь, наверное, даже он сам. Какая книга подтолкнула к этому, «Звездные короли» Гамильтона, «Дом скитальцев» Мирера или еще какая, тоже. И уж никто бы не подумал, что преподаватель задрипанного вуза из глубинки не только займется изысканиями (как раз такое вполне могло быть, люди, бывает, закливаются на всякой ерунде и тратят массу сил на ее воплощение в жизнь), но и добьется успеха. Во всяком случае, теоретически. Но, тем не менее, эксперименты на животных прошли успешно, и тут весьма удачно подвернулась двуногая мышка, которой нечего терять.

Правда, когда Цезарь Соломонович поделился с ним определенными нюансами процесса, Колесников решил, что тот окончательно поехал с катушек. Как оказалось, старому еврею пришлось, для начала, решить вопрос, мучающий всех фантастов и кучу восторженных юношей – о путешествии во времени. И ведь решил! Кто бы мог подумать, что Рабинович – гений? А все почему? Да потому, что переселение сознания, согласно его расчетам, оказалось возможным только в прошлое. И, кстати, не абы в какое, а в строго определенные точки. Правда, какая будет конкретная точка, вычислить можно было только весьма приблизительно. На вопрос, чем именно эти точки отличаются от других, Рабинович лишь спросил: «Тебе это надо?» И впрямь, не надо, так что вопросов Колесников больше не задавал, придя к выводу, что изобретатель и сам не все до конца понимает. Главное – они есть, эти точки, и наиболее подходящая (точнее, та, на перемещение до которой гарантированно хватало энергии) находилась в конце тридцатых годов двадцатого века. Не самое приятное время – но все же лучше, чем ничего. Главное, войну пережить, а там уж как-нибудь образуется.

Во-вторых, перемещенного можно было отслеживать. Как? Об этом Рабинович тоже не распространялся. Можно – и все тут. И этим отслеживанием он намерен был заняться, экспериментатор хренов. И вовсе не из любви к науке, а чтобы впоследствии самому перебраться туда и начать новую жизнь. Впрочем, почему бы и нет?

В-третьих, и едва ли не главных, сознание не просто перемещалось. Ему требовался новый носитель. А вот посадить его абы в кого не получалось, требовался человек, генетически схожий по определенным критериям. Проще говоря, родственник, можно дальний. Это, конечно, накладывало определенные моральные ограничения, но, с другой стороны, семияродный дядя пятнадцатияродной тети родственник только формальный. Так что Колесникову оставалось лишь согласиться. Вот и лежал он теперь с проводами на вис-

ках, думал... А потом яркий свет, короткая страшная боль – и вот уже он летит по радужному тоннелю...

Он сидел в роскошной адмиральской каюте, пил крепкий кофе и размышлял. Тот факт, что адмирал затребовал кофе в неурочное время, наверняка кое-кого удивил – но не настояжил. В конце концов, адмиралы отличаются от простых смертных тем, что имеют право не обращать внимания на подобные мелочи. Даже самые пунктуальные из них. Вот и оставалось сидеть да размышлять, благо никто не мешал.

Итак, вот ведь угораздило попасть не куда-нибудь, а в тело адмирала Лютьенса, и не когда-нибудь, а во время боевого похода. Счастье еще, что исчезло только сознание немца. Навыками и памятью прежнего владельца этого тела он мог пользоваться так же легко, как и своими, а то бы живо попал в ласковые руки докторов. Хотя, конечно, интересно, как он, чистокровный сибиряк, очутился в теле немецкого офицера? Ну да это, честно говоря, дело не десятое – сотое. Мало ли с каким бравым казаком могла согрешить прабабка адмирала во время наполеоновских войн, к примеру? Да и вообще, русские гуляли по Европе не так уж и редко. Случалось, торговали, случалось, воевали, так что пути генетики неисповедимы.

Хуже другое. Адмиралу уже за пятьдесят. Не так уж много времени он, выходит, себе прибавил. Хотя, с другой стороны, все равно лучше, чем ничего. К тому же тело в хорошем состоянии, лет тридцать протянет, если за ним следить. Только вот незадача, на дворе-то война!

Колесников не считал себя знатоком истории, но Пикуля почитывал. Можно сказать, на его книгах интерес к военно-морской истории и возник, и Лютьенс самым краешком в этот интерес вписывался. Не сильно, однако же кое-что в памяти отложилось. В том числе и тот факт, что долго адмиралу не протянуть. Весной сорок первого года он выйдет в рейд на линкоре «Бисмарк» и отправится с ним вместе на свидание с акулами. Перспектива не самая завлекающая. И прежде, чем думать о долгой и счастливой жизни, да и вообще строить хоть какие-то планы, требовалось решить этот вопрос, причем, желательно, радикально.

А вообще, Рабинович, конечно, гений, но морду ему стоило бы набить. Хотя бы за то, что перед самой войной подсадил в тело врага. Пускай и не со зла, пусть даже случайно. Впрочем, может статься, такая возможность еще представится.

Колесников откинулся на спинку дивана, потер ноющие виски и, уже проваливаясь в дремоту, подумал, что пора одеваться – надо было идти на мостик, оценить, кто есть кто, не только с позиций знаний адмирала, но и своих собственных. И заодно осмотреть корабль, освоиться на нем – в конце концов, линейный крейсер «Шарнхорст» и его систершип «Гнейзенау» в боевом походе, и что будет дальше – предсказать довольно сложно.

Волны представляли для крейсера едва ли не большую опасность, чем гипотетические вражеские корабли. Как только ветер крепчал, носовую часть «Шарнхорста» буквально заливало, и уже не раз случались проблемы с электрооборудованием, которое со страшной силой закорачивало. Однако укрыться от шторма не имелось никакой возможности – согласно диспозиции, наиболее мощные боевые корабли недавно возрожденного буквально из небытия германского флота должны были располагаться именно здесь, обеспечивая прикрытие войск от возможного появления британского флота. Шла операция «Учения на Везере», и сейчас немецкие солдаты брали под свой контроль Норвегию и Данию. Бои шли не то чтобы очень яростные, но, теоретически, все висело на волоске. И лишь Колесников знал точно, что сейчас, в этом маленьком эпизоде большой войны, немцы победят.

Откровенно говоря, захват этих стран выглядел по всем статьям логичным. Хотя бы потому, что они уже давно де-факто находились под британским управлением. Во всяком случае, в области внешней торговли уж точно. И терпеть запрет ввоза через Норвегию той же

шведской руды Германия не могла себе позволить. Да и англо-французские войска на территории этих стран могли появиться в любой момент, поэтому формальный повод для удара, пускай с натяжкой, присутствовал. Учитывая же сильнейшие пронацистские настроения в Норвегии, был неплохой шанс не просто оккупировать эту территорию, но и, в перспективе, получить лояльное население, а значит, промышленность и новых солдат. В общем, игра стоила свеч.

План, разработанный германским командованием, был хорош. Вот только страдал он тем, что и большинство планов немецкого генштаба, – в нем все было продумано настолько четко, что практически не оставалось места для импровизации. Соответственно, как только что-либо начинало идти не так, сразу же возникали серьезные проблемы, а с оперативным реагированием на них у немцев получалось так себе. Спасали же, как правило, действия командиров низшего звена – от комвзвода до командира батальона. Эта молодежь, выкорымиши нацизма, обладала немаловажным достоинством – была не столь зажата старонемецкими, имперских еще времен, догмами. Соответственно и действовать они могли не только дисциплинированно, но и куда инициативнее, чем офицеры старой школы, хотя, может, и не столь умело. Не все, конечно, но таких тоже хватало, а вкупе с традиционно хорошей подготовкой солдат это давало убойный результат, который ощущали на себе по очереди все армии Европы.

Тем не менее, пока что импровизации сводились к неизбежному минимуму. Потомки викингов оказывали на удивление слабый отпор захватчикам. Точнее, какие-то их подразделения сражались и храбро, и умело, но большинство предпочитало ограничиться формальными действиями. К тому же отменно сработали десантники, сумевшие захватить аэродромы и нейтрализовать норвежскую авиацию. В общем, победа была у немцев в кармане, но крутилось в голове у Колесникова воспоминание о том, что еще ничего не закончено и потери у немецкого флота здесь будут бешеные. От кого – ясно, британцы расстараятся. Не норвежский же флот отметится, частью уничтоженный в море, а частью захваченный прямо в портах. Англичане. Но вот как это произойдет, Иван Павлович не помнил. Не сохранила память когда-то мельком читанные нюансы, да и голова болела знатно. Все же перенос для него бесследно не прошел.

– Адмирала просят прибыть на мостик!

Колесников несколько секунд недоуменно смотрел на адъютанта и только потом сообразил, что адмиральские уши привычно отбросили все приличествующие истинным немцам формальности. Затем кивнул, чуть замедленными движениями (не освоился еще с моторикой нового тела) оделся. Ну что же, назвалса груздем – держи пальцы веером, а то съедят и не подавятся. Придется командовать – именно этого от него сейчас ждут. Ну а легкую неадекватность поведения спишут на недомогание, он об этом уже всех предупредил. Никто и не удивился, кстати, все же в зимнем штормовом море торчать на открытом всем ветрам мостике для здоровья чревато. Доктор выдал даже какую-то дрянь от простуды. И, кстати, это наводит на интересные мысли, ведь чтобы посреди ночи выдернуть из постели больного адмирала, требуются веские основания. Неужели началось?

Убедиться в том, что мысли ему в голову сегодня приходят исключительно правильные, Колесников смог уже через несколько минут. Доклад командира «Шарнхорста», капитана первого ранга (мозг автоматически перевел кэпитэн цур зее в привычную систему единиц) Курта Цезаря Хоффмана был по-немецки четок и лаконичен. Бравый и достаточно молодой для своей должности офицер (а что поделывать, военный флот Германии от гигантских размеров времен кайзера ужался до нынешних, относительно несерьезных, и потому конкуренция между офицерами подчас была дикая) вполне профессионально обрисовал ситуацию. На радарх крупный объект, движется в их сторону. К германскому флоту отноше-

ния, естественно, не имеющий – уж они бы знали. Судя по всему, средних размеров торговое судно или военный корабль, но скорость невелика. Их эскадру, разумеется, еще не заметил.

Вот с последним утверждением Колесников готов был аргументированно поспорить. Используемые британцами радары, основанные на честно свистнутых советских разработках, значительно превосходили все, что имели немцы, это новоиспеченный адмирал помнил точно. Для немцев данное обстоятельство долго оставалось неизвестным, не в последнюю очередь благодаря их гонору и убеждению, что в области высоких технологий они лучшие в мире. Даже тот факт, что радар «Шарнхорста» чужой корабль не видел, отслеживал его только «Гнейзенау», ничего не поменял в голове офицера старой выучки. Сказано, что они лучшие – значит, они лучшие, и другого быть не может. Придурки... Так что если перед ними военный корабль (а скорее всего, так оно и есть), то его командир уже давным-давно знает о немецкой эскадре, а главное, не боится ее. И если это и впрямь не заблудившийся от великого ума транспорт, то им предстоит иметь дело либо с быстроходным крейсером, командир которого намерен за чем-то посчитать немецкие выпелы на расстоянии прямой видимости, либо, что более вероятно, с чем-нибудь линейным. И эта перспектива не радовала.

Колесников хорошо понимал, какие проблемы на них могут свалиться. «Шарнхорст» и «Гнейзенау», разумеется, великолепные корабли, но оба они – наследие кораблестроительной школы, развившейся в Германии после Великой войны. Не самой лучшей школы, стоит признать.

Тогда немцам запретили строить крупные военные корабли. Что поделаешь, проигравшие не спорят, они подчиняются. Вот и пришлось извращаться. Строить океанские рейдеры на дизельном ходу, к примеру, обзывая тяжелые крейсера броненосцами, ограничивая их водоизмещение. В результате получилась интересная ситуация – корабли как бы подвешивались между классами, что было дорого, требовало массу усилий (германские инженеры тут, надо признать, оказались на высоте) и, вдобавок, не обеспечивало требуемую эффективность. «Шарнхорст» оказался наследником такой методики. В результате отлично защищенный, быстроходный корабль получился не только недостаточно мореходным, но и банально недовооруженным. Создатели его, похоже, и сами не представляли себе, что хотят получить на выходе, и в тот момент, когда британские аналоги несли пятнадцатидюймовую артиллерию, немецкие корабли вынуждены были довольствоваться жалкими одиннадцатью дюймами. В условиях современной морской войны, право слово, не смешно.

Эх, посмотреть бы за горизонт, но погода не даст выпустить самолеты. Стало быть, придется думать, а там и своя память, может, проснется. Читал же что-то, читал, аж в затылке свербит.

Итак, что там есть у британцев? Не здесь, они перебросили сюда, по данным разведки, то ли три, то ли четыре линейных корабля, но слишком часто германские разведчики ошибались. Итак, линкоры типа «Нельсон», две штуки. Старье, машины которых предельно изношены. Даже если такой корабль с какого-то перепугу оказался здесь, уйти от него не сложно. Огневая мощь, конечно, приличная, девять орудий калибром шестнадцать дюймов, не считая всякой мелочи, но малая скорость и неудачное расположение башен фактически ополовинивают его возможности. Что там еще? Еще более древние, типа «Куин Элизабет»? Они вроде в Средиземном море сейчас, хотя британское адмиралтейство немцам о своих планах не докладывает. Но даже если и здесь, что с того? Восемь пятнадцатидюймовок, конечно, сила, но, опять же, общий износ плюс ходовые качества, изначально соответствующие прошлой войне, делают его малоперспективным для охоты. Через шторм, конечно, такие корабли пробьются легко, что в определенной степени нивелирует этот недостаток, но все равно со временем не поспоришь.

Линкоры типа «Принц Уэльский». Сильные корабли. Недостроенные. Нет их пока. Физически. И это радует. Линейный крейсер «Худ». Он тоже вроде далеко. А может, и нет

– с проклятыми островитянами никогда точно не знаешь. С этим кораблем не хотелось бы столкнуться нос к носу – он не только огромен и красив, но и быстроходен и хорошо вооружен. Орудия, кстати, у него едва ли не лучшие в британском флоте. К тому же флагманский корабль Великобритании содержат в состоянии, близком к идеальному, а значит, в такую погоду, если захочет, догонит. И, если потребуется, утопит. Единственный недостаток «Худа» довольно слабое бронирование палубы, но сейчас это не принципиально – снаряды немецких кораблей для него все равно слабоваты.

– Герр адмирал, – прервал его рассуждения Хоффман. – С «Гнейзенау» передают – отмечены многочисленные малые корабли противника.

Колесников медленно кивнул. Все верно. Крупный военный корабль с эскортом из миноносцев или даже легких крейсеров. Неважно, в такую погоду эффективность что тех, что других невелика. Все равно, главное – их флагман.

Какие у противника еще могут быть козыри? Кажется, в этих водах могут оперировать их линейные крейсера. «Ринаун» и...

В голове словно щелкнуло что-то. «Ринаун». И ход боя разом вспомнился. Отступление. Точнее, обмен несколькими залпами – и бегство. В результате тяжелейшие повреждения почти без ущерба для врага и разгром, который английский линейный крейсер учинил потом эсминцам и транспортам.

На секунду он задумался. Как-никак, немцы через год нападут на СССР, будет Великая Отечественная война... Но это будет потом. Если вообще будет – он-то здесь и, возможно, удастся что-то изменить. И не погибнет дядя, и не останется без ноги отец. Но это все – потом, а сейчас перед ним такой же враг России, неважно, что говорящий на другом языке. И к тем, кто идет в этом десанте, у него никакой ненависти пока не наблюдается. Скорее, наоборот – командиров эсминцев прежний хозяин тела знал лично и, как следовало из его памяти, хорошо к ним относился. А еще, если он хочет здесь что-то поменять, надо «зарабатывать очки» в глазах руководства Германии. И это обстоятельство оказалось для принятия решения основным.

– Господа, спешу вас обрадовать – на нас идет «Ринаун».

Только потом он сообразил, что сказать так мог, скорее, русский офицер, а не немец, но, по счастью, никто не обратил внимания на непривычный речевой оборот. Собравшиеся были настолько ошарашены известием, что даже переглядываться начали только через пару секунд. А потом Хоффман, очевидно, как старший по должности и званию, что, в общем-то, обязывало принимать возможное недовольство командования на себя, осторожно спросил:

– Герр адмирал, вы уверены?

– Абсолютно. И нечего на меня так смотреть, Хоффман, не изображайте мне тут обиженного теленка. У командования имеются источники информации, о которых вам знать по должности не положено.

Вот так, сразу показать, что нечего спорить с командованием. Командир «Шарнхорста», похоже, сразу вспомнил, кто есть кто и чьи погоны красивше. Во всяком случае, резко принял стойку «смирно», да и остальные подтянулись. И, словно бы в доказательство слов адмирала, довольно далеко от немецких кораблей встали два высоченных столба воды – с дистанции свыше одиннадцати миль британский корабль начал пристрелку.

Когда он отдал приказ разворачиваться навстречу британцам, подчинились ему беспрекословно. Ордунг, чтоб его. Но лица у немцев были нерадостные – похоже, героями они не были и хорошо помнили: у «Ринауна» шесть орудий калибром пятнадцать дюймов, и удары их снарядов броня линейных крейсеров не выдержит. Видя это, Колесников усмехнулся одними губами и, повинуясь неистребимой преподавательской привычке, сухо пояснил:

– Это английское корыто лучше держит волну. И снаряды его на дальней дистанции пропорют нам палубы. А вблизи мы имеем шанс сыграть на большем количестве орудий и суммарном весе залпа, да и броневой пояс у нас куда толще. Если повезет и сделаем кроссинг, то у него будет четыре орудия против наших восемнадцати.

– Но мы можем попробовать оторваться, – робко заметил кто-то.

– Во-первых, – педантично начал перечислять Колесников, – он нас догонит. Или вы забыли, как наше бронированное чудо справляется со штормом? Никак. Во-вторых, отходя, мы сможем работать только кормовыми башнями и потеряем все преимущество в артиллерии. И, в-третьих, даже если линкорам удастся уйти, он устроит нашим транспортам и эсминцам резню не хуже лисы в курятнике. Мы прикрываем десант, а не бултыхаемся в море потому, что нам это нравится. Даже если мы погибнем, то остановим англичан и спасем жизни немецких солдат. Люди ценнее техники. И, кстати, герр Хоффман. Начинайте пристрелку. Вряд ли попадем, но кто его знает.

Насчет людей и техники он ввернул специально. Здесь находились не только офицеры, но и матросы – рулевые, сигнальщики... Офицеры промолчат, конечно, но солдатский телеграф работает в любой армии, и если удастся пережить этот бой, легенда об адмирале, жертвующем собой, чтобы спасти простых солдат, завтра же пойдет гулять по кубрикам, а там и по другим кораблям. И до пехоты рано или поздно дойдет. Что это даст? Может, и ничего, а может, очень многое. Как повезет. И наверняка доложат на самый верх. Чтобы при штабе да без стукача – да не бывает такого, адмирал точно знал про двоих, но наверняка есть и те, про кого он не слышал. Опять же, это может не привести ни к чему – а может понравиться дорвавшемуся до власти ефрейтору, просидевшему в окопах всю Первую мировую. Понравится – сострижем бонус. Нет – ну и пес с ним. В любом случае, репутацию ему это не испортит.

– Герр адмирал. Осмелюсь напомнить. Носовые башни кораблей в такой шторм заливаются. Может произойти замыкание и...

– Хоффман, – нытье отнюдь не жаждавшего лезть под вражеские снаряды командира «Шарнхорста» вызвало у Колесникова жуткое раздражение. Судя по всему, у настоящего адмирала было бы такое же чувство, поскольку он не почувствовал уже ставшей привычной паузы между мыслью и словами. – Пускай ваши матросы хоть бушлатами щели затыкают, но за результат вы мне отвечаете головой. И если башня выйдет из строя не от вражеского снаряда, а по любой другой причине, я отдам вас под трибунал! Ясно?

Начальственный рык возымел ожидаемое действие. Во всяком случае, все принялись заниматься своим делом, и не пытались лезть с личным мнением. И артиллеристы очнулись наконец от спячки – во всяком случае, башня «Антон» начала пристрелку. То же делали и артиллеристы «Гнейзенау». Даже если не попадут, нервы британцам попортят, цинично подумал Колесников, возвращаясь к руководству первым в жизни морским боем.

Как ни странно, он не испытывал даже намека на мандраж. Лишь несколько позже до него дошло – реакция тела, не раз слышавшего рев снарядов, позволяет сохранять спокойствие и сознанию. Биохимия, не более того. Сейчас это, а также еще не до конца освоенные знания адмирала Лютьенса пришлись более чем кстати.

Корабли шли на сближение с противником неторопливо – шторм и неудачная конструкция носовой оконечности весьма мешали. Из-за качки эффективность стрельбы тоже была первоначально околонулевой. Но дистанция, с первых минут боя не слишком большая, все равно достаточно быстро сокращалась, и результаты не замедлили сказаться. Причем, надо сказать, вполне ожидаемо.

Первыми накрытия добились англичане. Ничего удивительного, большой калибр – большая точность. По корпусу будто молотом ударили. Через секунду удар повторился. Это было еще не попадание, просто разорвавшиеся на небольшой дистанции снаряды контузили

«Шарнхорст» взрывами. Что случится, если такие «чемоданы» угодят в слабобронированную палубу, не хотелось и думать. Впрочем, и в близких разрывах приятно мало, но на этот раз корпус выдержал, хотя лопнувшие от сотрясения лампы засыпали пол мелким стеклянным крошечком. Эту неприятность вполне можно было перетерпеть, хотя, конечно, от такой близости смерти разом стало неуютно.

Однако накрытие – это, конечно, хорошо, вот только достать до врага первыми удалось немцам. Не потому, что их артиллеристы оказались лучше, скорее, наоборот – Колесников помнил, что в той, прежней истории и те, и другие показали себя не на высоте, то ли из-за шторма, то ли еще почему. Но если у британцев процент попаданий выглядел удручающе низким, то у немцев он получился и вовсе безобразным. Однако сейчас, очевидно, сработала статистика – все же в сторону «Ринаун» вели огонь двенадцать тяжелых орудий, а в такой ситуации количество выпущенных «в сторону цели» снарядов значит не меньше, чем мастерство артиллеристов. А главное, результаты попадания увидели многие.

Одиннадцатидюймовый снаряд, выпущенный с «Гнейзенау», угодил в британский корабль позади второй башни и с грохотом разорвался среди пирамиды надстроек. Особого вреда он не причинил – вместо прямого удара произошла цепь рикошетов, и обошлось без пробития брони. «Ринаун», по сути, только хорошенько трянуло. Три с лишним сотни килограммов стали и взрывчатки превратились в огненный смерч и ливень осколков, но вред от него ограничился парой раненых. Однако вспышка от взрыва была замечена на германских кораблях, и известие, что «влепили», моментально прошло по отсекам. Естественно, реакция немцев была куда сдержаннее, чем у оказавшихся в подобной ситуации русских, но настрой сразу же заметно поменялся. Люди стали действовать и веселее, и злее, а это в бою немаловажно.

Для британцев это было звоночком, и, возможно, сделай они правильные выводы, все могло бы пойти и по-другому, но тут им повезло, причем дважды. Во-первых, залило-таки носовую башню «Шарнхорста». Замыкание в электропроводке – и громада массой в сотни тонн и огневой мощью с хорошей, полностью автономный форт моментально превратилась в груды мертвого железа. Во-вторых, один из британских снарядов угодил в немецкого флагмана. По счастью, он ограничился тем, что скovyрнул за борт грот-мачту, хотя на самом деле последствия от попадания оказались куда серьезнее. Сотрясение привело к выходу из строя кормового радара, что пока что не влияло на боевую эффективность корабля, но грозило серьезными проблемами в будущем.

Из вспышки взрыва и резкого снижения интенсивности обстрела британцы сделали не вполне корректные по причинно-следственным связям, но абсолютно логичные и правильные выводы. Германский флагман поврежден, и надо его поскорее добить, а учитывая шторм, для этого требовалось сблизиться. При всей своей чопорности англичане и азартный, куда более азартный, чем считающиеся импульсивными французы и итальянцы, и храбрый народ, поэтому даже мысли о том, что стоит отвернуть, уклоняясь от боя с двумя немецкими кораблями, моментально выветрилась из их голов. Напротив, они еще решительнее устремились вперед и даже увеличили скорость, что оказалось роковой ошибкой.

Колесников с каменным лицом стоял, не обращая внимания на взгляды подчиненных. Те в свете открывшихся обстоятельств совсем не против были бы отвернуть, но адмирал одним лишь холодным взглядом заставил их отшатнуться. Что творилось у него на душе, можно было понять лишь по тому, как хрустнули сжатые в кулаки пальцы. Продержаться, любой ценой продержаться, пусть и с уменьшившейся на треть огневой мощью и под жестоким обстрелом. Сократить дистанцию – и раздавить британца сосредоточенным огнем двух кораблей, а иначе никак. Всего несколько минут... И его линейные крейсера с немецкой дисциплинированностью шли вперед.

Дистанция сокращалась, точность огня возрастала. «Шарнхорст» практически не выходил из-под накрытий, то справа, то слева от него вставляли огромные водяные столбы, некоторые даже окатывали палубу, словно того, что забрасывал на нее шторм, оказалось мало. От гидравлических ударов постепенно сдавала обшивка, по стыкам начала где понемногу, а где все интенсивнее просачиваться вода. Дважды пятнадцатидюймовые «чемо-даны» попадали в корабль, разворотив палубу, а третий проделал огромную сквозную дыру в надстройках и благополучно разорвался над морем. Артиллеристы «Шарнхорста» смогли ответить на это всего одним снарядом, и тоже в надстройку, где он натворил дел, но воинственного пыла англичан охладить не смог.

Однако, принимая на себя всю ярость английских орудий и фактически жертвуя собой, «Шарнхорст» отвлекал их внимание от «Гнейзенау». Артиллеристы последнего вполне отдавали себе отчет, что долго так продолжаться не может, и на всю катушку использовали преимущества необстреливаемого корабля. За время сближения они добились целых пяти попаданий, которые не нанесли серьезного урона огневой мощи «Ринауна» (выбитая батарея из трех четырехдюймовых орудий не в счет), но продемонстрировали англичанам, что броня их корабля попаданий немецких бронебойных снарядов не выдерживает и дальнейшее сближение может оказаться вредным для здоровья.

Убедившись, что проклятые боши и не думают отворачивать, командир «Ринауна» отдал приказ о смене курса. Откровенно говоря, Колесникова он опередил буквально на минуту – тот, убедившись, что дистанция сократилась, и летящие по настильной траектории вражеские снаряды теперь смогут поразить только прикрытый мощным, соответствующим кораблю классом выше, броневым поясом борт, сам готовился отдать аналогичный приказ. Он планировал поставить британцев под продольный огонь, но тем самым давал им шанс отвернуть и разойтись на контркурсах. Однако получилось то, что получилось, англичане начали первыми, и оставалось лишь лечь на параллельный курс и, медленно сближаясь, надеяться на прочность брони и мастерство артиллеристов.

С ничтожной по меркам середины двадцатого века дистанции попадания начали следовать одно за другим. И вот здесь выяснилось, что пятнадцать орудий главного калибра против шести – это здорово! Даже без учета большего количества снарядов, сосредоточенный вес бортового залпа двух немецких кораблей превосходил возможности английского корабля. К тому же теперь в дело включились пятнадцатисантиметровые и стопятидесятиметровые орудия немецких линкоров, намного превосходящие и числом, и весом снаряда артиллерию среднего калибра британцев. Ну, и в качестве вишенки на торте у последних возникла еще одна проблема. Артиллеристам «Ринауна» приходилось распределять огонь между двумя немецкими кораблями, что тоже не улучшало его эффективность. А немецкие артиллеристы, хорошо понимая расклады, в этот момент развили максимальную, почти технически предельную скорострельность, и результат не замедлил сказаться.

Не прошло и получаса, как результат боя стал ясен. Несмотря на шторм, превратившийся в медленно ковыляющую по волнам груды развалин «Ринаун» пылал от носа до кормы. Возле разбитых орудий среднего калибра рвались снаряды, из шести пятнадцатидюймовок уцелело две, но и они могли угрожатьседающим немцам, скорее, номинально. Удары четырех шестидюймовых снарядов практически в упор, с интервалом в несколько секунд, башня пережила. Броня, детище английских сталеваров, оказалась на высоте, но теперь проворачивать стальную махину можно было только вручную, а дальнометры показывали дистанцию от Земли до Марса. Система же централизованного управления огнем отказала еще раньше, когда немецкие снаряды главного калибра вдребезги разнесли дальнометрный пост, радар, да и вообще половину надстроек. Скорость корабля упала до жалких шести узлов, борта зияли огромными дырами, а дифферент на корму медленно, но неуклонно нарастал. Словом, имелся закономерный результат неравного боя, и огромный, водоизмеще-

нием свыше тридцати тысяч тонн, корабль представлял собой классическую иллюстрацию ужасов войны.

Однако, несмотря на повреждения, тонуть «Ринаун» пока не торопился, и у английских моряков оставался еще неплохой шанс довести его до базы. Ну, или хотя бы прийтись к берегу, что в условиях шторма выглядело куда предпочтительнее шлюпок. Сейчас, несмотря на серьезные потери в личном составе, аварийные партии все еще боролись – и небезуспешно – с пожарами, ухитрялись локализовать затопления, а механики и вовсе делали чудо. Невзирая на то, что из четырех десятков котлов уцелело не более половины и из пробоин в бортах валил даже не дым – пар – машины все еще работали, и винты, неторопливо вращаясь, толкали крейсер вперед. В общем, шанс был, вот только немцы не желали отпускать свою добычу.

Бой дался эскадре Лютьенса нелегко. «Шарнхорст» с трудом ковылял по волнам, сохранив не более десяти узлов хода, и лишился всех орудий главного калибра. В носовую башню, и без того молчаливую, влетел снаряд, пробивший броню и уничтоживший артиллерийские расчеты до последнего человека. В башне «Цезарь» снаряд угодил в ствол орудия перед самым выстрелом, вызвав детонацию уже находящегося в нем снаряда и приведший к полному уничтожению башни. Теперь ее руины гнилым зубом торчали посреди палубы. Третью башню попросту заклинило. Досталось и всему остальному, но, как ни удивительно, несмотря на ураганный огонь и преимущество в калибре орудий, нанести «Шарнхорсту» повреждения, угрожающие его живучести, британцы не смогли. Броневой пояс толщиной в триста пятьдесят миллиметров выдержал обстрел, и ни разу за весь бой крен корабля не превысил трех градусов, а машины исправно работали. Больше проблем доставлял поврежденный руль, перо которого с трудом установили в нейтральное положение. В принципе, из-за необходимости в шторм управляться машинами и снизился ход. Так что ситуация выглядела тяжелой, но далеко не безнадежной, и за способность корабля вернуться на базу можно было не волноваться.

По сравнению с ним, «Гнейзенау» отделался очень легко. До момента, когда удачным залпом удалось подавить кормовую башню «Ринауна», он получил всего два снаряда главным калибром. Один из них, правда, сделал в носовой оконечности немецкого корабля дыру размером с добрые ворота, и пришлось снизить ход – несмотря на то, что пробоина была заметно выше ватерлинии, волнами ее заливало изрядно. Помпы справлялись, но усугублять положение не хотелось, а общая потеря скорости другими участниками боя позволяла «Гнейзенау» без ущерба предотвратить ускорение затопления. Второй снаряд повредил офицерские каюты – неприятно, но на боевых возможностях корабля это сказалось меньше, чем гибель от того же взрыва десятка матросов. Правда, стодвухмиллиметровых снарядов линейный крейсер успел нахвататься изрядно, однако повреждения надстроек можно было перетерпеть, а борта ими попросту не пробивались. Получить же снаряд в слабо защищенную палубу «Гнейзенау» уже не грозило, на последнем этапе боя траектория их была не просто настильной – противники били друг по другу практически в упор.

По всему выходило, что именно «Гнейзенау» светила полезная, но малочетная роль палача. Оставшийся практически безоружным «Шарнхорст» мог долбить британцев остатками среднего калибра хоть до посинения без серьезных шансов на успех. Сдаваться английские моряки не собирались, а отпускать их не хотелось от слова «вообще». Не для того дрались, не для того умирали. И потому обстрел линейного крейсера не прекращался ни на минуту. Впрочем, у немецких артиллеристов появились и новые цели.

Британские эсминцы, лидером которых, собственно, и выступал «Ринаун», наконец подоспели к месту боя. Обычно стремительные и смертельно опасные, в шторм эти корабли разом теряли свои преимущества. Их валяло на волне, не давая толком организовать огонь и без того достаточно маломощной артиллерии, а скорость падала настолько, что угнаться за

идушим в атаку линейным крейсером они попросту не могли. Главное же, основное оружие эсминцев – торпеды – в такой ситуации теряло свою эффективность. То есть выпустить-то их можно было, а вот попасть – уже вряд ли, волны делали курс торпед абсолютно непредсказуемым. Единственный плюс – облегчался корабль и избавлялись от взрывоопасного груза, но – не более. Словом, атаковать пусть и поврежденных, но далеко не беззащитных гигантов им сейчас категорически не рекомендовалось.

Однако не из того теста слеплены британские моряки, чтобы бросить своих и с позором ретироваться, даже не попробовав склонить чашу весов на свою сторону. Девять эсминцев начали атаку, несмотря на плотный заградительный огонь. Обстрел с них был, скорее, средством занять артиллеристов и слегка давить на нервы немцам – за все время атаки в цель попал только один снаряд, что уже можно считать везением. Непонятно даже, на что они рассчитывали, ведь чтобы в шторм иметь шансы дотянуться до немецких кораблей торпедами, им пришлось бы выходить на минимальную дистанцию под огнем «Гнейзенау». И отрезвление наступило достаточно быстро.

Уже после третьего залпа «Гнейзенау» среди идущей в первой волне четверки эсминцев начали подниматься в небо фонтаны накрытий. Еще через минуту на одном из британских кораблей плеснуло яркое пламя, почти сразу же скрытое высоченными всплесками от падения других снарядов. Когда они опали, стало видно плачевное положение корабля. Одиннадцатидюймовый снаряд буквально оторвал ему носовую оконечность, и теперь быстро теряющий ход эсминец на глазах погружался в волны. С палубы его горохом сыпались за борт фигурки людей – очевидно, спасти корабль было уже бесполезно.

Почти сразу под накрытие попал второй эсминец. Попаданий удалось избежать, но близкие взрывы контузили корабль, и он, замедляясь, начал отворачивать. Остальные в безнадежный бой не полезли, ограничившись выпущенными торпедами. В другое время залп семи эсминцев не оставил бы немецким кораблям и тени шанса, но сейчас наблюдатели «Шарнхорста» смогли заметить лишь одну торпеду, прошедшую далеко за кормой, остальные же бесследно канули в штормовом море.

После отступления эсминцев эскорта наступил момент истины и для «Ринауна». Под градом тяжелых снарядов упорно огрызающийся остатками противоминной артиллерии корабль окончательно потерял ход, а затем начал быстро ложиться на борт. Наблюдающий за этим Колесников вздохнул и только сейчас почувствовал, что китель его насквозь промок от пота. Снял фуражку, провел рукой по волосам, и ничуть не удивился, почувствовав себя будто из бани.

– Господа, я поздравляю вас с победой германского флота. «Адмирал граф Шпее» отмщен.

Слова получались будто сами собой. Собравшиеся вокруг офицеры внимали адмиралу с немим восхищением. Колесников усмехнулся:

– Начинаем спасательную операцию. Наши враги были храбрыми людьми и хорошими моряками, не стоит бросать их здесь. И рассчитайте курс, сразу после того, как подберем англичан, возвращаемся на базу.

– А может, «Гнейзенау» лучше продолжить патруль? – робко поинтересовался кто-то.

Колесников вздохнул:

– С расстрелянным боезапасом? Думайте, о чем говорите, молодой человек. В этих водах у Великобритании еще как минимум три линкора, и оставить «Гнейзенау» значит подписать ему приговор. Если он встретится с любым из них, то жизнь корабля будет исчисляться минутами. И, кстати, для нас задерживаться в этих водах сейчас тоже противопоказано, поэтому постарайтесь справиться в кратчайшие сроки. И – домой.

Спасательную операцию можно было описать всего одной фразой: «скоро сказка сказывается – нескоро дело делается». В этом плане русские народные сказки оказались про-

роческими – вылавливание британских моряков заняло почти два часа, и Колесников с трудом удержался от того, чтобы не сгрызть себе ногти до локтей. Радары «Шарнхорста» были уничтожены, а те, что стояли на «Гнейзенау», после многочисленных сотрясений в бою не вызывали доверия. Колесников читал в свое время, что от сотрясений наверху звонким медным тазом радар на куда более мощном «Бисмарке», и закономерно полагал, что здесь и сейчас может случиться то же самое. А значит, в любой момент, прячась за пелену дождя, может скользнуть хищная тень британского крейсера, обнаружить их и навести на поврежденные линейные крейсера главные силы вражеского флота. Однако показывать волнение было нельзя, и оставалось лишь изображать нордически спокойного, уверенного в себе адмирала, которому все нипочем, и даже попадание вражеского снаряда неспособно заставить его изменить выражение лица. В принципе, опыт имелся – только что весь бой так себя вел, но Колесников чувствовал, что нервы придется всерьез поправлять, и, желательно, коньяком.

В том, что операция затянулась, не было вины его подчиненных. Просто огромные корабли, тем более в шторм и поврежденные, малопригодны для вылавливания из воды плавающих то здесь, то там, людей. Шлюпки были частью разбиты, а в шторм спускать уцелевшие выглядело не самой удачной идеей. Людей вылавливали погрузочными сетями, бросали им концы, за некоторыми, ослабевшими и неспособными самостоятельно удержаться за веревку, спускались, привязав себя тросами, немецкие матросы. Война еще не дошла до той стадии ожесточения, когда вид тонущего противника вызывает чувство удовлетворения или радости. Пока что все здесь были в первую очередь моряками, а потом уже врагами, но скоро это должно было закончиться...

Спасенных оказалось чуть более трехсот человек. Кого-то наверняка не заметили в волнах, кто-то ушел на дно вместе с кораблями или погиб во время боя. На «Ринауне» экипаж был свыше тысячи человек, сколько-то на эсминце, выходило, что погибло от двух третей до трех четвертей тех британцев, что шли в этот бой. Война...

Возвращение получилось воистину триумфальным. Германия слишком отвыкла от побед на море и теперь восторженно встречала героев. Ведомство доктора Геббельса тоже внесло свою лепту в процесс, раструбив на весь мир о великом успехе кригсмарине. На взгляд уже вполне освоившегося в новом теле Колесникова, мелкие странности которого окружающие списывали на легкую контузию (мнение, имеющее право быть, поскольку пару раз снаряды взрывались совсем рядом, и сотрясало боевую рубку «Шарнхорста» изрядно), не такой уж и большой оказался успех. Все же один потопленный корабль, причем не самый мощный и порядком устаревший, никак не тянул на разгром британского флота, как о том вещали на всех радиостанциях. С другой стороны, это все же было победой, к тому же обеспечившей успех, в том числе и других подразделений армии и флота. Как-никак «Ринаун» в этот раз, в отличие от прошлой истории, не смог порезвиться на германских коммуникациях, и эсминцы, которые тогда отправились на дно, здесь уцелели. Причем их командиры наверняка хорошо понимали, что могло случиться, не останови силы Лютьенса британскую эскадру. Да и не только они. Это знание добавляло Колесникову очков как среди командиров кораблей, так и в глазах гросс-адмирала Редера, хотя наверняка в штабах найдутся и те, кто посмотрит на свежее испеченного героя косо.

Кстати, наверняка косо будут смотреть и рабочие верфей Киля, им-то работы изрядно добавится. Как ни крути, восстанавливать поврежденные корабли требуется в кратчайшие сроки, а повреждения огромны. Впрочем, им не привыкать, справятся. Не зря же получают свои деньги, цинично подумал Колесников.

Встречать корабли заявила целая толпа официальных, полуофициальных и неофициальных лиц. Последние – это в основном партийные функционеры, любители поорать

«Хайль!». Колесников с трудом удержался от того, чтобы поморщиться – все же нацистские приветствия его, воспитанного и большую часть жизни прожившего в СССР, раздражали страшно. С удивлением он понял, что прежний носитель этого тела был с ним солидарен. Не было, конечно, оставшейся наследием той войны ненависти, но все равно служака до мозга костей и монархист по убеждениям, Лютьенс считал большинство наци дорвавшимися до власти быдлом. И, кстати, был противником репрессий против евреев. Не иначе, русская кровь, пусть и до жути разбавленная, сказывалась, хотя, возможно, это был некий снобизм человека, сделавшего себя благодаря личным качествам и таланту, а не поднимавшегося по служебной лестнице благодаря древности рода и протекции.

Как бы то ни было, приходилось играть по здешним правилам, отвечать на приветствия, жать руки и демонстрировать лояльность. Еще требовалось улыбаться огромной толпе совершенно искренне ликующего народа. Боги, как же легко управлять немцами, отдай им приказ – и они станут его выполнять, причем совершенно искренне радуясь успеху и некритично относясь к своим действиям. Хоть дома строй, хоть пленных расстреливай. Ордунг, чтоб его. И осознание этого еще более усиливало раздражение.

Между тем, опытный взгляд политика (а попробуй добиться высот, не владея этим искусством, хотя бы даже на уровне своей профессии) вычленил тех, кто был здесь по-настоящему важен. Гитлер, разумеется, не прилетел, ограничился телеграммой, но и без него... хватало. Во-первых, это, разумеется, собственное начальство. Гросс-адмирал Редер собственной персоной. Умнейший человек, но фанат больших кораблей. И тот факт, что они имеют свойство заслонять горизонт, периодически забывающий. Впрочем, с Лютьенсом у них достаточно хорошие отношения, хотя бы потому, что последний всегда поддерживал шефа и, вдобавок, готов был выполнить любой приказ.

Появление Редера здесь, конечно, обоснованно. А вот его соперник Дённиц не приехал, небось, опять занимается своими подводными игрушками, холит их и лелеет. У этого другая крайность, он крупные корабли воспринимает лишь как средство поддержки субмарин. Но, стоит признать, тоже не дурак, и для подводников отец родной. Хотя, будучи убежденным нацистом и ярким поклонником Гитлера, он вызывал у Лютьенса некоторое отторжение.

Во-вторых, заявился Геринг. Толстяк и сибарит. Будучи чуть более продвинут в вопросах медицины, чем его предшественник, Колесников моментально сообразил, что виной ожирения командующего люфтваффе является сильнейшее нарушение обмена веществ, которое здесь и сейчас лечить толком еще не умели. И даже сложно представить его молодым и стройным, легко взбирающимся в маленькую кабинку хрупкой этажерки, чтобы творить чудеса в боевом небе. Впрочем, Лютьенс видел его молодым... Флот Геринг недолюбливал, считая корабли лишь пожирателями топлива, так необходимого его любимой авиации, но удержаться от поздравлений не мог – положение обязывало. Впрочем, поздравлял он Лютьенса совершенно искренне, как солдат солдата, признавая и храбрость, и удачу моряков. А может, просто доволен был ходом норвежской операции – как-никак, его ребята работали там отменно, в числе прочего, сумев угнать из-под носа у норвежцев кучу самолетов. А раз так, то был он благодушен, доволен жизнью и, наверное, в честь этого даже предложил адмиралу поохотиться вместе. Пришлось неопределенно покивать и поблагодарить – мол, когда-нибудь, как только позволят дела, обязательно и с превеликим удовольствием.

Третьей особо важной персоной оказался Борман. Откуда он здесь взялся, было непонятно, никаких серьезных должностей этот классический партноменклатурщик вроде бы не занимал, но при этом слово его весило очень много, немногим меньше, чем у самого Гитлера, и вполне сопоставимо с Герингом. Знаком с ним старательно не лезущий в большую политику адмирал был лишь шапочно.

Впрочем, эта сладкая парочка, благожелательно покивав, занялась своими представительскими обязанностями. В смысле, толкала речуги на огромном и вроде бы стихийно, но

при этом с истинно немецкой четкостью организованном митинге. Пришлось и самому, на правах героя дня, сказать пару слов. Получилось не очень, но это было тоже воспринято, как должное. «Я старый солдат и не знаю слов любви», хотя это, конечно, совсем из другой оперы. В общем, ему простили солдафонскую неотесанность, зато эти двое разливались соловьями. И ведь пришлось, дико скучая, присутствовать, никуда не денешься.

Больше всего это напоминало Колесникову выступления каких-нибудь деятелей уездного масштаба времен позднего СССР, разве что бумажками не пользовались. Рапорт о том, как все хорошо, чествование героев-космонавтов, точнее, применительно к местным условиям, героев-моряков, и прочие красивые слова. Упор на героизм, естественно – искаленный борт «Шарнхорста», с которого, собственно, и шло вещание, смотрелся шикарнейшей и очень уместной декорацией. Единственная разница, что в восьмидесятых годах в СССР народ уже привык делить сказанное кто на два, а кто и на десять, а здесь этому искренне верили. Ну и пес с ними, главное, не зевнуть...

Разговор с гросс-адмиралом Редером состоялся вечером. В смысле, не поздравления, а нормальный, серьезный разговор. По счастью, адмиральский салон на «Шарнхорсте» уцелел, Редер не хотел разговаривать в штабе. По его словам, там развелось слишком много лишних ушей, а на линкоре, большая часть экипажа которого отдыхает на берегу, подслушивать попросту некому. Не то чтобы командующий кригсмарине собирался говорить какие-то крамольные вещи, но все же чтобы о разговоре знало слишком много народу, он не желал. И Лютьенс его в этом поддерживал. Неприятно, как-то так.

– Ну что, Гюнтер, натворил ты дел...

– Что я опять сделал неправильно, Эрих? Объясни уж. Вроде бы победил.

– И покалечил два корабля.

– Иначе потери были бы куда серьезнее.

– Да знаю я, – гросс-адмирал досадливо махнул рукой и, пригубив коньяк, поудобнее развалился в кресле. В отличие от сухощавого Лютьенса, который в нем буквально тонул, Редер был плотно сбит и места ему, соответственно, требовалось больше. – Только мне теперь месяц отписываться и доказывать Самому, – тут он многозначительно указал пальцем вверх, – что твои действия были единственно верными. Хотя нет, это сам доказывать будешь, тебя завтра вызывают в Берлин на доклад.

Колесников безразлично пожал плечами. На доклад – значит, на доклад, тем более, не в первый раз. Редер заметил этот жест, поморщился:

– Ты, кажется, не понимаешь, Гюнтер. От флота ждут действий.

– Они получили действия, да еще какие! Пожалуй, «Ринаун» был единственным серьезным кораблем, который мы могли уничтожить, и шанс, что мы встретим именно его, да еще в выигрышном для нас составе, да еще сумеем победить, да еще... В общем, мы ухватили за хвост удачу.

Колесников даже немного забылся и говорил невероятно эмоционально. Едва удержался от того, чтобы прямо здесь же не подсчитать, каковы они были, эти шансы, но поймал удивленный взгляд Редера и опомнился, стух, вновь превращаясь в немецкого адмирала. Который, пусть и обладал, несмотря на похожую на вампира внешность, беззлобным и легким характером, почему и становился периодически душой компании, на такие вспышки вряд ли был способен. Впрочем, он же теперь «контуженый», ему можно.

– Они... получили действия, – медленно сказал Редер. – И будут ждать новых. Сначала – ждать, потом – требовать. А у нас всего два корабля, и оба придется ставить в док.

Колесников попытался вставить слово, но гросс-адмирал остановил его резким жестом. Похоже, разговор пошел не вполне так, как планировалось, и теперь он обдумывал расклады на ходу. Пришлось замолчать и внимательно слушать, в конце концов, Редер куда лучше него владел ситуацией в высших эшелонах власти.

– Понимаешь, Гюнтер, там, наверху, собрались люди, большей частью далекие от понимания того, как живет флот, что он может и чего не может. Фюрер, при всем моем уважении, профан. Да, он честно отвоевал в ту войну, как и мы с тобой, но его кругозор остался кругозором солдата, который видит лишь то, что можно разглядеть из окопа. Да ты и сам это понимаешь. Сейчас он политик, искусный, талантливый, но понимания многих нюансов это ему не добавило. Он авантюрист до мозга костей, и пока что все авантюры не просто сходят ему с рук – они приносят успех, и чем дальше, тем больше он теряет связь с реальностью. К тому же, как и любой художник, он мыслит образами, а не цифрами, а война – наука точная, в ней такой подход чреват ошибками. Пусть даже мелкими, тактическими, но которые, тем не менее, имеют свойство накапливаться и давать потом совершенно неожиданный эффект.

Да ты сам подумай. Мне было сказано, что Германия имеет еще не менее шести лет на подготовку. Шесть лет, ты понимаешь, Гюнтер? Вся кораблестроительная программа строилась, исходя из этих сроков. И в результате мы оказались к ней не готовы! И приходится выходить против английского флота с голой ж...!

Редер почти кричал, чего Лютенс никогда не замечал за ним ранее. Не долго думая, он встал, щедрой рукой налил коньяку, приложил лимон, кофе... Подумал еще, что это будет слишком по-русски, но ничего менять не стал, просто сунул получившуюся композицию в руки гросс адмиралу. Тот недоуменно посмотрел на него, потом кивнул, залпом выпил, зажевал, невидящими глазами глядя в пространство, и вздохнул.

– Спасибо... Так вот, Гюнтер, у нас имелось всего два корабля, способных хоть как-то противостоять английским. Я молчу про наши броненосцы, они хороши в качестве рейдеров, но при встрече с сильным противником... В общем, сам понимаешь.

Колесников и в самом деле понимал, даже не прибегая к памяти адмирала. Совсем недавно карманный линкор «Адмирал граф Шпее» был настигнут в Атлантике тремя британскими крейсерами. Теоретически он должен был их раздавить, шесть одиннадцатидюймовых орудий, почти таких же, как и на «Шарнхорсте», давали ему огромное преимущество. А у британцев самый мощный из кораблей нес лишь восьмидюймовки, два других и вовсе были легкими крейсерами, слабо вооруженными и почти незащищенными. Тем не менее, рейдер проиграл бой и, получив серьезные повреждения, был подорван экипажем в нейтральном порту. Командир «Шпее», капитан первого ранга Ганс Лангсдорф, застрелился.

– Корабли у нас и сейчас имеются. «Гнейзенау» можно привести в порядок относительно быстро.

– И гнать его в море в одиночку?

Совсем недавно он говорил почти те же самые слова, даже с похожей интонацией, собственным подчиненным. Колесников раздраженно дернул плечом:

– «Шарнхорст» рано списывать. Это хороший, крепкий корабль. Повреждения велики, но не фатальны. Запасные орудия на складах есть, я уже выяснял. А здесь, в Киле, хорошая ремонтная база и отличные специалисты.

– Я даже не сомневаюсь, что так и есть, – Редер чуть заметно расслабился, плечи его опустились. Сейчас это был уже не бравый моряк, а немолодой, смертельно усталый человек. Таким он мог позволить себе быть лишь в присутствии очень немногих людей, и до сегодняшнего дня Лютенс в их число не входил. – Более того, я и сам все это знаю. Читал доклад о повреждениях, запрашивал информацию об орудиях... Только вот сколько продлится ремонт? Месяц? Два? Три? Я не знаю, и ты не знаешь. Никто пока не знает.

– Я думаю...

– Думать можно что угодно, вот только действий от нас потребуют сейчас, немедленно. Понимаешь? И нам не получится объяснить, что корабль долго строить и еще дольше чинить. Они знают, что танк чинится в короткие сроки. Все. На это и будут ориентироваться. А что между жестяной в десять тонн и линейным кораблем пропасть... В общем, если ты не

сможешь убедить фюрера в том, что на какое-то время об активных действиях в Атлантике придется забыть, нас будут заставлять их предпринимать. И, скорее всего, сделают крайними, независимо от того, будем мы держать корабли в портах или выйдем в море и потерпим поражение.

Колесников задумался, надолго задумался. Потом налил себе и Редеру еще коньяка, медленно, сквозь стиснутые зубы, выцедил, и сказал:

– Хорошо, Эрих. Я тебя понял.

В Берлин он вылетел утром. Огромный четырехмоторный «Кондор» глухо ревел двигателями, продираясь сквозь холодный северный воздух. Два истребителя сопровождения, тонкие, словно осы, сто девятое «мессершмитты», лениво покачивая угловатыми, словно обрезанными крыльями, шли справа и чуть выше. Не то чтобы приходилось всерьез опасаться вражеской авиации, но фронт все-таки не так уж и далеко, и, теоретически, кто-нибудь мог сюда дотянуться. Вот и шел штабной самолет под защитой истребителей, так, на всякий случай.

Расположившись в кресле, Колесников с тоской рассматривал салон «Кондора». Мало того, что самолет полз, по мнению привыкшего к совсем другим скоростям пассажира, с прямо-таки черепашьей скоростью, так еще и внутри было не слишком просторно. По меркам будущего, прямо скажем, откровенно убого. К тому же самолет немилосердно раскачивало, все воздушные ямы были его, а учитывая, что шторм закончился совсем недавно, завихрений в воздухе хватало. В общем, не полет, а сплошная мука.

Впрочем, остальные, два незнакомых генерала и моложавый эсэсовский штандартен-фюрер, очевидно, думали иначе. Во всяком случае, для них, не избалованных высокими технологиями, этот самолет казался верхом технической мысли. А с другой стороны, и Колесникову-Лютьенсу нечего было жаловаться. Это не на поезде пикивать, это относительно короткий и быстрый перелет. И ему, привыкшему к качке, не грозили приступы воздушной болезни, как остальным. А еще здесь коньяк недурственный давали...

К моменту, когда самолет удивительно мягко коснулся обутыми в резину колесами посадочной полосы, Колесников уже слегка захмелел и находился в устало-благодушном настроении. Правда, очень уж быстро сработало спиртное. То ли упало на старые дрожжи – они с Редером вчера изрядно перебрали, как оказалось, немецкие адмиралы могут квасить не хуже русских интеллигентов, то ли сказались высота, падение давления и негерметичный салон. Тем не менее, адмирал отметил мастерство пилотов. В его времени самолеты были куда совершеннее, под завязку напичканы электроникой, но козлили при посадке иной раз со страшной силой. Здесь же все прошло мягко, и пилоты ухитрились опустить их, как пушинки. Хотя, с другой стороны, тут могли сыграть роль относительно малые размеры самолета и исключительное качество покрытия полосы. Размышляя над этим, Колесников и сам не заметил, как оказался снаружи, и с удивлением обнаружил, что его встречают. Аккуратный черный «хорьх» с молодым унтер-офицером за баранкой и лейтенант в черной форме. Опять СС... Впрочем, перед адмиралом он вытянулся в струнку.

– Герр адмирал...

– Спокойнее, молодой человек, спокойнее. Не на параде. Вас как зовут?

– Лейтенант Вальман, герр...

– А имя у вас есть?

– Петер, – окончательно стушевался сбитый с толку парень. Колесников присмотрелся – ну да, лет двадцать от силы.

– Вот что, Петер, берите мой багаж – и поехали. Заодно объясните мне, куда, а то я, признаться, только вчера из похода, да и вообще в Берлине не частый гость.

Лейтенант Вальман, когда с него немного скатилось смущение, оказался достаточно приятным в общении молодым человеком. Во всяком случае, не дуболомом «от сохи», а, как путем несложных вопросов сумел выяснить Колесников, из студентов. Последнего обстоятельство парень почему-то стеснялся, но выяснять причины такой не вполне адекватной реакции адмирал не стал. Мало ли, какие у них там, в СС, внутренние терки. Так-то, на вид, истинный ариец, но мало ли, вдруг у них к интеллигенции предубеждение. Зато лейтенант оказался еще и вполне информированным. В пределах своей компетенции, разумеется.

Как оказалось, аудиенция у Гитлера была назначена на завтра. Во второй половине дня – фюрер любил поспать. Вернее, планировалось на сегодня, но что-то там не срослось. А сегодня с ним изъявил желание встретиться Гиммлер. Зачем? Трудно сказать. Но если главный палач рейха изъявил такое желание, отнестись к нему требовалось со всей серьезностью.

Положительными во всем этом были всего два момента. Во-первых, адмиралу забронировали место в хорошей гостинице, причем с рестораном, а то желудок уже начал требовательно напоминать о необходимости кинуть в него что-то потверже коньяка. Во-вторых, в городе не было бича последующих десятилетий – пробок. Вообще не было – мало того, что автомобилей в Берлине было относительно немного, так еще и управляли ими с немецкой аккуратностью. В сумме это давало просто замечательный эффект. Но главное, обещало возможность не торопиться, выезжая заранее и потом, если пробок не было, маршировать в приемной. Здесь все было проще, и лейтенант подтвердил, что да, заедет за герром адмиралом ровно за полчаса до назначенного времени. Успеют.

Гостиница оказалась на удивление небольшой. Он-то думал, что повезут в какой-нибудь отель с холлом размером в два футбольных поля, хрустальными люстрами и отблесками храма изо всех углов. Здесь же было спокойно, уютно и по-домашнему. Приятный полумрак, ровно такой, когда глаза еще не напрягаются, а эффект уюта уже создается, деревянные перила лестницы, странно и совсем не по-немецки изогнутые, мило улыбающаяся пожилая женщина за стойкой. . . В ней даже при огромном напряжении фантазии невозможно заподозрить осведомителя, работающего на полицию, контрразведку или на всех сразу. А ведь работает, к бабке не ходи, но даже это знание почему-то не напрягало. Так и тянуло расслабиться. Тот, кто выбирал гостиницу, явно преследовал именно эту цель. Последнее обстоятельство даже настораживало – вряд ли все делалось для того, чтобы обеспечить приезжему адмиралу, птице, по столичным меркам, не самого высокого полета, возможность максимально эффективно отдохнуть от трудов тяжких. Однако, немного подумав, Колесников решил не забивать себе голову раньше времени, а, разложив вещи, спустился в ресторан.

Здесь тоже все было уютным и небольшим. В том же домашне-деревенском стиле. Десяток столиков, полумрак, маленькая сценка с роялем и без какого-либо намека на микрофон – в таком помещении и без того все будет слышно. И меню, не слишком изысканное, зато ассоциирующееся со вкусами «добротного немца». Впрочем, почему бы и нет?

В машину он садился окончательно довольным жизнью. Накормили быстро, вкусно. . . Еще бы капельку вина сверху, но он, подумав, решил воздержаться. Все же пил уже, и вечером, и в самолете, причем не наперстками, а смешивать – последнее дело. Но все равно, пока ехали до места, едва не задремал – в старинной (хотя здесь это едва ли не новинка) машине тоже оказалось уютно. И мягко. . .

В приемной их почти не держали. Пять минут – как раз то время, которое у них стало запасом. А потом Колесников вошел в кабинет, небольшой и отнюдь не роскошный, и увидел перед собой Гиммлера, спокойного, чуть вальяжного и совершенно не страшного на вид. Во всяком случае, с тем образом, который тиражировался в советском кино (не особенно, правда, но все же), этот человек имел весьма мало общего. Ну а лично ни Лютенс, ни тем более Колесников, с ним знакомы не были.

Ничего демонического... Внешне – ну точно покойный Кравчук с кафедры химии... И лишь глаза под тонкими стеклами очков холодные и спокойные. Глаза умного хищника, способного при нужде сожрать безо всяких эмоций. Впрочем, кто с линкором борт о борт становился, того гляделками не напугать. И Колесников уставился в глаза своему визави, сделав взгляд безразлично-пустым. Так он смотрел на излишне гонористых студентов, если хотел их малость осадить. Срабатывало с ними – сработало и сейчас. Гиммлер отвел глаза первым, а потом вдруг усмехнулся:

– Знаете, адмирал, мне говорили, что вы бесстрашный человек. Я, признаться, не верил... Присаживайтесь, будем разговаривать.

Ну, разговаривать – значит, разговаривать. Колесников подвинул стул, прочный, монументальный и на удивление удобный. И настолько же тяжелый. Хозяин кабинета развел руками:

– Это не парадная приемная, малая, здесь не столь удобно, зато от прослушивания кабинет защищен надежно.

Колесников медленно кивнул, а про себя подумал, что параноя в Третьем рейхе стремительно набирает обороты. Во всяком случае, прослушки бояться поголовно, даже на самых верхах. Особенно на самых верхах, это таким, как он, бояться особо нечего, они и так каждый раз, выводя корабли в море, под смертью ходят. А вслух сказал:

– Весьма рад знакомству, герр рейхсфюрер.

Этакий тонкий намек на то, что стоило бы поздороваться. Или хотя бы ответить на приветствие. В другое время он бы, может, и поосторожничал, но сейчас Колесникова несло. Коньяк два дня подряд, да еще и в самолете, штука коварная.

– А вы наглец... – Гиммлер внезапно улыбнулся. – Это хорошо, потому что разговор нам предстоит серьезный.

Он был не дурак. Мерзавец, возможно, садист, но не дурак, и вопросы задавал дельные. А вот политическими пристрастиями, отношением к еврейскому вопросу и прочими мелочами не интересовался вовсе – наверняка и так знал.

Больше всего Гиммлера интересовало, что может сделать флот, степень его боеготовности, сроки ремонта кораблей. Колесников, подумав, отвечал честно, как на духу, особо акцентировав момент неизбежных случайностей, куда чаще, чем на суше, способных поставить любую ситуацию с ног на голову. Да вот хотя бы в этой операции. «Блюхера» потеряли? Потеряли. А всего-то одна замаскированная береговая торпедная батарея и не потерявший головы расчет. Так что флот может показать свою эффективность, а может и нет, именно это он пытался донести до собеседника, и похоже, Гиммлер прислушался к его доводам. Так и сказал, что если человек, доказавший свою храбрость и профессионализм, не боится испортить настроение вышестоящим, то к его словам имеет смысл прислушаться. В общем, отпустил с миром и даже пообещал всемерное содействие в ремонте кораблей и, это было, пожалуй, главное, в скорейшем вводе в строй авианосца «Граф Цеппелин». Этому противился Геринг, не желающий выпускать из рук часть пилотов, которые подчинялись бы морякам. К авианосцу прохладно относился командующий флотом. Но Колесников-то знал, что именно такие корабли в будущем станут основной ударной силой флота, и сумел убедить Гиммлера, что корабль им необходим. А поддержка второго человека в государстве, пусть и не связанного на флот напрямую, дорогого стоит. Еще удалось ввернуть, правда, как личное мнение, что у британцев радары стали совершеннее немецких. Гиммлер только головой покрутил, но пообещал напрямьч заграничную агентуру. В общем, насквозь полезная встреча, хотя после одного приглашения на такую, с испугу можно запросто потерять сон или заработать энурез. А можно и то, и другое.

В гостиницу Колесников вернулся, когда уже смеркалось, а живот вновь требовательно заурчал. Хорошо еще, тихонечко, не привлекая внимания сопровождающих. Впро-

чем, может, и привлек, но Вальман оказался достаточно умен, чтобы сделать вид, будто ничего не заметил. Ну а мнение водителя вообще никого не волновало. Его дело баранку крутить, хотя, в этом стремительно заражающийся паранойей Колесников практически не сомневался, слушал он наверняка внимательно и потом с точностью до слова передаст услышанное начальству. Ну да пускай его, на работе человек, а ничего крамольного в машине не говорили. Более того, вообще ничего не говорили, кроме пары дежурных фраз. Но молчание молчанием, а желудок во избежание конфуза требовалось срочно удовлетворить.

В ресторане было тихо и спокойно. Играла негромкая музыка. Пианист, наряженный в самый настоящий фрак, был мастером ухитрялся вести мелодию ненавязчиво, никому не мешая, но в то же время заполняя ею все пространство. На взгляд Колесникова, ни разу не меломана, старомодно, однако здесь и сейчас мелодия звучала крайне органично. И акустика была неплоха, в результате чего музыка словно накрывала столики непроницаемым куполом, не давая гулу голосов просачиваться наружу. Приятное ощущение.

Адмирал прошел к единственному свободному столику. Его замечали, но, несмотря на то, что Лютьенс тут оказался старшим по званию, вставать и приветствовать никто не спешил. То ли из-за неформальной обстановки, то ли из вечного соперничества между армией и флотом. Ему, впрочем, было все равно. Усевшись и сделав заказ, он начал ожидать, когда ему принесут знаменитые баварские сосиски, традиционно главное блюдо немецкой кухни.

Ожидание затянулось вроде бы совсем ненадолго, но то ли музыка сыграла роль, то ли, что вероятнее, усталость, и Колесников начал отключаться от реальности. Не засыпать, а именно отключаться. И потому голос, прозвучавший буквально над ухом, оказался для него полной неожиданностью.

– Вы позволите?

Колесников несколько секунд смотрел на терпеливо ожидающего ответа худощавого генерал-майора и лишь потом сообразил, что в зале его столик самый свободный, за остальными по трое-четверо. Ну а здесь – никого, наверное, из-за его морской формы и высокого звания. Оставалось только кивнуть:

– Разумеется.

Генерал аккуратно сел напротив него, виновато улыбнулся, и пришлось сказать, что не стоит... и так дальше, и так дальше, и разговор завязался, и Колесников, в общем-то, не жалел об этом, потому что собеседником генерал оказался интересным. И ничего удивительного в том не было.

Генерала звали Эрвин Роммель. Да-да, тот самый Роммель, которому совсем скоро предстояло малыми силами гонять по пустыне до зубов вооруженных англичан. Уж про него-то Колесников был наслышан, редко в какой передаче о войне с упоминанием союзников не вспоминали этого бравого генерала. Самое страшное африканское пугало, лис пустыни... Впрочем, все это будет, а пока перед Иваном Павловичем сидел еще относительно молодой – ему не было и пятидесяти – генерал и увлеченно рассказывал о своих людях, своей дивизии и своем взгляде на войну.

Чем дальше, тем больше Колесников убеждался, что в отношении этого генерала истории не врал. Действительно, «отец солдатам». Вот насчет «слуга царю» – это, памятуя, как он кончит, совсем не факт, зато насчет своих людей он знал столько, что оставалось поражать его памяти. А еще страшно не любил начальство и был даже чрезмерно инициативен, что в будущем приведет и к стремительному взлету, и к падению. Но в целом интересный собеседник и, возможно, полезное знакомство на будущее. К тому же только сегодня прибывший из действующей армии в штаб.

Зачем его вызвали, Роммель не знал и страшно костерил разномастных военных теоретиков, которым сначала зачем-то потребовалось проводить очередное совещание, а потом внезапно его переносить, из-за чего он, вместо того чтобы разбираться с делами в своей

дивизии, торчал в этом отеле уже третий день. Судя по всему, армейский бардак интернационален... Хотя, с другой стороны, при нынешнем темпе ведения войны можно было и отдохнуть без ущерба для дела. И вообще, то, что происходило во Франции, напоминало нечто среднее между великим стоянием под Троей и верчением ежика в поисках места, где нет иголок. На это сравнение Роммель отреагировал здоровым смехом и цинично указал место, где их точно не будет. Посмеялись...

Надо сказать, генерал живо заинтересовался распиаренным на всю Германию морским сражением, так что пришлось не только слушать, но и рассказывать. И внимание и уважительный тон сухопутчика, как ни странно, весьма польстили, хотя Колесников и понимал, что это дают о себе знать остатки памяти Лютенса.

А еще, было интересно мнение Роммеля, воюющего уже вторую войну, о противнике. Французов он не то чтобы презирал, но относился к ним, скорее, с пренебрежением. Британцев не любил, но как о солдатах отзывался о них уважительно. Русские... С ними войны пока не было, но что она не за горами для понимающего человека секретом не являлось. Так вот, о них Роммель говорил с опаской. Здравомыслящий человек, однако.

Что в зале что-то изменилось, Колесников сообразил с запозданием. Недоуменно покрутил головой – и вдруг понял: к музыке добавилась песня. На сцене появилась девушка, лет, наверное, двадцати, или чуть старше. Классика истинной арийки – высокая, спортивная, светловолосая, но это было неважно, главное, пела она замечательно. Вот только поразила не чистота ее голоса, а то, что пела она не только по-немецки, свободно переходя от песни к песне то на английский, то на французский, а пару раз даже на русский язык, причем акцента почти не ощущалось. И как это, спрашивается, понимать?

– О, – улыбнулся Роммель, видя неподдельный интерес собеседника. – Это местное чудо, племянница нашей хозяйки. По слухам, ее родители из России, выехали оттуда после их революции. Родилась она уже здесь, но владеет, в числе прочего, еще и этим варварским языком. Экзотика, правда?

– О да...

– Такое впечатление, вы понимаете, о чем она поет.

– С пятого на десятое, – следовало срочно уходить от темы, а то хоть Эрвин и хороший мужик, но мало ли. – Я все же моряк. Говорю на трех языках и ругаюсь еще на тридцати.

Успевший малость захмелеть Роммель вновь рассмеялся. Смеялся он хорошо, не цинично, не зло, а просто весело. Так смеются уверенные в себе люди, которым нечего доказывать, они и без того знают, чего стоят. Колесников даже позавидовал немного, у него так смеяться пока не получалось, во всяком случае, в этом теле.

История получила внезапное продолжение ближе к ночи, когда они с Роммелем, не прекращая уже вполне приятельский треп, вышли на улицу. Концерт уже закончился, но народ все еще сидел, и в зале стало не продохнуть от табачного дыма. Вот и выбрались они на улицу... покурить. Неисповедимы пути логики слегка подвыпивших мужчин.

Безобразная сцена, происходящая тут же, буквально в двух шагах от входа, сразу же привлекла их внимание. Классика жанра, мужчина добивается благосклонности женщины... Только вот не надо женщину хватать за руку, если она того не хочет. И уж тем более не стоит делать это, если ты в форме. Честь мундира и все такое. Даже если это мундир СС. Тем более если это мундир СС. Хотя бы потому, что военное крыло правящей партии, выполняющее, вдобавок, функцию службы безопасности, должно если не отвечать за законность, то хотя бы демонстрировать, что люди в этих мундирах ее поддерживают. Ну а если ты этого не понимаешь, то не обижайся. И погоны оберштурмбанфюрера не помогут. Тебя все равно будут считать тем, кто ты есть на самом деле – жирной и безграмотной свиньей.

Именно эти мысли Колесников озвучил, причем максимально громко и доходчиво. Как оказалось, дебошир нажрался до потери адекватности, но понимать, что ему говорят, был

еще вполне способен. И, обернувшись, отреагировал совсем не так, как положено доброму немцу. В смысле, не встал по стойке «смирно», увидев перед собой двух военных в немалых чинах, а выпустил свою жертву, сжал кулаки и молча двинулся на них. Ну неадекват, право слово, или просто совсем одурел от безнаказанности.

Адмирал подпустил его поближе, легко уклонился от богатырского, но не слишком умелого и чрезмерно размашистого удара, и с наслаждением пробил ему в печень. Это были уже рефлексы не Лютьенса, пусть и не дурака подраться в молодости, а собственно Колесникова. Все же когда-то в СССР спорт являлся неотъемлемой частью жизни, и полученный еще в студенчестве первый разряд по боксу сейчас весьма пригодился. Годы прошли, тело сменилось, но что-то с тех времен явно осталось.

Эсэсовец забавно хрюкнул, скособочился, и как-то весьма неловко опустился на колени. Ну да, в печень – это больно, даже алкогольная анестезия не спасает. А вот если после этого еще и сапогом по враз растерявшей наглость роже, то еще и обидно. Во всяком случае, этот конкретный фриц явно обиделся и принялся шарить непослушными пальцами по кобуре. Колесников стоял рядом и с интересом смотрел за его манипуляциями, будучи вполне уверен, что если противник все же сумеет извлечь свой вальтер или парабеллум, что там у него, он вполне успеет размазать его по асфальту. Однако крайних мер не потребовалось.

Откуда появился Вальман, Колесников так и не увидел. Поразительно, с какой скоростью лейтенант подскочил, и... нет, он не пытался обезоружить коллегу по мундиру, он просто шепнул ему что-то на ухо. Совсем немного, судя по продолжительности фразы, но тому хватило. Даже при неярком свете уличного фонаря было видно, как он побледнел и, бросив попытки извлечь застрявшее в кобуре оружие, машинально зашарил рукой по вороту. Попытки его застегнуть оказались, правда, ничуть не более успешными, но, особенно с учетом того, что немец по-прежнему сидел на земле, выглядели забавно.

– Простите, герр адмирал... Простите...

Звучало невнятно – похоже, только разбитыми и сейчас напоминающими мясные оладьи губами пострадавший не отделался. Наверняка еще и зубы пострадали. Тем не менее, Колесников понял, кивнул небрежно:

– Пшел вон.

Эсэсовца как ветром сдуло. Вот он был, а вот его и нет. Адмирал прищурился и сказал, обращаясь к лейтенанту:

– Похоже, вас приставили ко мне ангелом-хранителем?

Вальман улыбнулся:

– Наверное, можно и так сказать, герр адмирал.

– Тогда благодарю, что избавили от необходимости марать руки об этого хама. Вот что, Петер, езжайте-ка вы отдыхать. Обещаю, что покурю сейчас и больше из гостиницы до утра не выйду. И... отвезите фройляйн домой. Боюсь, красивым девушкам гулять по улицам Берлина ночью стало небезопасно.

Лейтенант щелкнул каблуками, как заправский гренадер. Непрост мальчик, ой, непрост, куда интереснее, чем показалось вначале. С таким надо держать ухо востро. Впрочем, Гиммлер явно покровительствует Лютьенсу, иначе не приставил бы к нему охрану как раз на такие случаи. Поэтому бояться нет смысла, а вот поостеречься стоит.

– Спасибо вам...

Голос девушки не дрожал, похоже, успела прийти в себя. Крепкие нервы, хорошие, дурной экологией не измученные. Только сейчас Колесников сообразил, что перед ним та певичка из ресторана. Да уж, незадачливого ухажера понять можно, деваха красивая и, вдобавок, представительница профессии, которая считается легкодоступной. Так что пал мужик жертвой стереотипов. Оставалось лишь галантно поклониться:

– Не волнуйтесь, фройляйн. Мы должны защищать свой народ... в том числе и от недостойных его представителей.

Когда девушка села в машину и та, глухо ворча двигателем, скрылась в темноте, Роммель, внимательно наблюдавший за происходящим, только головой pokrutil:

– Однако же вас уважают.

– О да, есть за что, – усмехнулся Колесников, доставая сигареты и мельком подумав, что пора бросать. А то снова рак заработать можно.

– А девушка красивая.

– Я женатый человек, да и вы, Эрвин, тоже.

Роммель лишь усмехнулся, но ничего не сказал. Так и закончился этот не в меру насыщенный событиями день.

На следующий день была церемония награждения. Рыцарский крест – награда при таких раскладах вполне ожидаемая и заслуженная, и, получая ее, Колесников ощутил настоящую гордость, хотя вроде бы должно было оказаться наоборот. Германия, фашисты, враги... Но ведь награда-то заслуженная! А главное, за таких же врагов. Будучи человеком, воспитанным на советском интернационализме, позже насмотревшимся на то, как начали относиться к русским те, кого эти самые русские вытащили из грязи, и пережившим и лихие девяностые, и хамство «цивилизованного мира», Иван Павлович имел вполне конкретные взгляды на международные отношения. Описывались они всего двумя фразами: «У России нет друзей, только враги и временные союзники, которые могут завтра стать врагами» и «Да хоть сдохните все, нам от этого не тепло и не холодно». Так что никаких угрызений совести в отношении уничтоженных британцев он не испытывал.

Там же он впервые увидел Гитлера. Точнее, Лютьенс-то его видел и раньше, воспоминания остались, вот только искаженные восприятием адмирала. Колесников же имел возможность лицезреть фигуру главного злодея двадцатого века впервые в жизни, и, надо сказать, впечатления оказались неоднозначными.

На растиражированный советскими фильмами образ Гитлер походил только мордально. Правда, здесь сходство было почти фотографическим, но на том оно и заканчивалось. Гитлер не выглядел психом или неадекватом, напротив, это был весьма обаятельный человек с буквально прущей во все стороны харизмой. Пожалуй, неудивительно даже, что он сумел не только захватить власть в Германии, но и до последнего момента, до самой смерти пользовался непроходящей поддержкой населения. А еще он умел и любил быть ведущим шоу – именно участником такого действия чувствовал себя Колесников.

С другой стороны, почему бы и нет? Процесс у режиссера получился весьма занимательным. Само-то награждение ладно, но экспрессивная речуга, фото на память, потом выступление лично доктора Геббельса... На местных, зрелищами неизбалованных, такое должно действовать убойно. Можно не сомневаться, что с завтрашнего дня еще и в кинотеатрах крутить начнут – вон, оператор над камерой склонился. Единственно, концовку подтянули, а может, просто Колесников начал терять интерес к происходящему.

Беседа с фюрером тоже не принесла чего-либо неожиданного. Как и предсказывал Редер, от флота требовали закрепить успех. Правда, Гитлер оказался неожиданно вменяемым и осторожным, но все равно пришлось пообещать ему, что флот, пусть и ослабленный, максимально активизирует свои действия. Скорее всего, первое лицо государства уже имело разговор с Гиммлером, и слова адмирала падали на хорошо унавоженную почву. В результате карт-бланш на задействование любых необходимых сил и средств для скорейшего ремонта «Шарнхорста» и достройки авианосца был получен. А активизация действий... Ну, это уж как получится.

Вечером он ужинал в гордом одиночестве. Просто из-за церемоний с последующими разговорами пропустил обед, а на полагающемся к церемонии банкете все было как-то несерьезно. Это вам не Россия, где если уж праздник – так чтобы наесться от пуза. Здесь все по-немецки, в смысле, по чуть-чуть. Поэтому непривычный к такому подходу мозг Колесникова солидаризировался с привыкшим к сытным флотским харчам желудком адмирала Лютьенса.

Выход был прост – вернувшись в гостиницу, он направился в ресторан, и, хотя до момента, когда все начнут подтягиваться сюда, чтобы вкусно поесть, было еще далеко, накормили его без проблем. Ну и на финал – классические немецкие копченая рулька и пиво – у-у-у! Такого вкусного пива Колесников в жизни не пил, в его времени, похоже, производить по-настоящему хорошие напитки давно разучились. И, хотя Лютьенс был к пиву достаточно равнодушен, новый хозяин его тела оценил качество.

– Здравствуйте.

Он поднял глаза, чтобы посмотреть, кто осмелился нарушить его медитацию. Ну надо же, вчерашняя... гм... фройляйн. Хотя, учитывая ее происхождение, стоило бы называть сударыней.

– Здравствуйте, – ответил адмирал, вставая. – Чем обязан?

– Я хотела вас поблагодарить...

Ну вот, понеслось. Интересно, ее в ведомстве Гимmlера успели завербовать, или как? Но, тем не менее, надо было продолжать играть роль истинного, как говорят англичане, офицера и джентльмена. Поэтому адмирал вышел из-за стола и галантно отодвинул стул, предлагая даме садиться. Она и села, абсолютно не чинясь.

– Что будете заказывать?

– Э-э-э...

Вопрос, похоже, сбил гостью с толку. Колесников усмехнулся мысленно, а вслух сказал:

– Я сомневаюсь, что здесь вам много платят. Поэтому экономите вы на всем. Полагаю, и на еде тоже. А раз так, сейчас вы не то чтобы голодны, иначе выступить не сможете, но и не слишком сыты. Имеется ли ошибка в моих рассуждениях?

– Э-э-э... нет, – ответила девушка и покраснела. Как и многие блондинки, изменять цвет лица она могла легко и абсолютно независимо от собственного желания.

– Ну вот видите. Поэтому, раз уж вы здесь, то, полагаю, вам следует поужинать. И не скупитесь при заказе, мой бумажник выдержит небольшое кровопускание, – и рассмеялся собственной немудреной шутке.

М-дя... А казалось, сильнее она покраснеть уже не может. На самом деле еще как могла. Но, очевидно, исходя из принципа «терять все равно нечего, а кушать хочется», заказ сделала вполне серьезный. Ну и ладно, все равно не так часто в пятьдесят лет оказываешься за одним столиком с красивой девушкой. Так что не жалко.

– Я и в самом деле хотела вас поблагодарить. Не люблю оставаться в должниках, – сказала она, закончив есть.

– Не любите? Хорошо. Вы вчера замечательно пели. Споете еще раз, для меня?

– Вы считаете...

– Я не люблю считать. Простите, как вас зовут? А то мы друг другу даже не представились. Вы меня, скорее всего, уже знаете, или лейтенант проболтался, или просто журнал учета постояльцев посмотрели. И мы оказываемся в неравном положении. Вы меня знаете, а я вас нет.

– Хелен.

Лена, значит. Скорее всего, вначале и была Елена, позже адаптировали под местные стандарты.

– А фамилия?

– Орлова.

– Русская фамилия. Ваши родители эмигрировали сюда?

– Да, после революции. Сначала во Францию. Потом мама осталась, а отец, он был офицером, отправился к генералу Деникину. Потом вернулся, и они переехали сюда. У нас здесь родственники. Я родилась уже здесь.

– Понятно... Так вот, Хелен, возвращаясь к нашему разговору. Я не люблю считать. Предпочитаю знать. И сейчас я точно знаю, что вы мне ничего не должны, я просто исполнил свой долг. Но если вы споете, я буду вам весьма признателен.

И она пела, и весь вечер он знал, что поют для него. И утром, уже улетаая, Колесников все еще слышал этот голос и слова «Я буду помнить вас, адмирал». Оказывается, он и забыл уже, каково это, когда о тебе кто-то помнит, пускай даже и сопля на тридцать лет тебя моложе.

Немецкие корабли в очередной раз подтвердили свою квалификацию, уже через три недели введя в строй «Гнейзенау», причем не только отремонтировав повреждения, нанесенные вражескими снарядами, но и проведя профилактику капризной силовой установки, очистку днища и еще кучу незаметных взгляду, но важных работ. «Шархорсту», правда, до момента, когда он сможет выйти в море, предстояло находиться в доке еще минимум два месяца, и то при условии, что все необходимое будет доставляться в срок, но от этого было никуда не деться. Но все равно, вместе с «карманным линкором» «Адмирал Шеер», модернизация которого была закончена в рекордно короткие сроки, и отремонтированным после полученных в операции «Учения на Везере» повреждений тяжелым крейсером «Адмирал Хиппер» получалась солидная эскадра. «Хиппера» протаранил британский эсминец, но свои тяжелые крейсера немцы строили крепко. Корабль пережил столкновение без фатальных последствий и не только не встал в доки до конца войны, но и вообще отправился туда лишь после успешно проведенного обстрела норвежских батарей.

Колесников предполагал, что работы, во всяком случае, по «Шееру», в разы ускорились благодаря оставшейся незаметной постороннему взгляду накрутке хвостов, проведенной кем-то на букву Г. Впрочем, это его устраивало. Куда хуже было, что однотипный «Хипперу» «Блюхер» отправился во время той операции на дно, а «Принц Ойген» еще не был достроен. Систершип «Шеера» «Лютцов», еще недавно гордо именовавшийся «Дойчландом», тоже застрял в ремонте надолго, словив торпеду с шального британского самолета. В результате сейчас под командованием Колесникова оказались три разнотипных и не слишком подходящих для совместных действий корабля. Увы, выбирать не приходилось, а пилюлю слегка подслащал тот факт, что скорость самого медленного, «Адмирала Шеера», составляла двадцать восемь узлов, что позволяло надеяться на отрыв от британских тяжелых кораблей в случае, если дела пойдут совсем плохо и придется быстро-быстро делать ноги. С другой стороны, восемь орудий калибром двести три миллиметра и пятнадцать одиннадцатидюймовок, не считая среднекалиберной мелочи, давали реальные шансы навалить даже серьезному противнику. В бою с «Ринауном» обошлись меньшим.

Выходить в море ночью, в шторм – удовольствие ниже среднего, требующее недюжинной подготовки экипажей и мастерства командиров. Однако что поделать, шторм давал хоть какой-то шанс незамеченными проскочить мимо вражеских кораблей и вырваться на просторы Атлантики. В мастерстве британской разведки можно было не сомневаться, но если удастся проскочить, то ловить эскадру на океанских просторах даже с помощью новейших радаров будет занятием неблагоприятным. Главное, не нарваться на мину – чем дальше, тем больше эти воды напоминали суп с клецками. И, хотя ставили их пока что достаточно аккуратно, частенько мины, особенно старого образца, срывало штормом с якорей, после чего они отправлялись в дальнее плавание, угрожая любому, с кем доведется пересечься. Однако на сей раз обошлось без происшествий, и вскоре все три корабля уже резали океанскую

волну. Британцы еще не привыкли посылать свои корабли в составе конвоев – что же, тем хуже для них.

В течение суток им удалось перехватить аж четыре транспортных корабля. Правда, к сожалению, не с войсками. Три шли с грузом руды, возвращались из Норвегии, а четвертый, под французским флагом, который непонятно как занесло так далеко на север, и вовсе направлялся в Британию с грузом продовольствия. Рудовозы, как оказалось, перебрасывали туда солдат, а обратно – сырье, вполне логичные действия. Британцы торопились вывезти со складов еще контролируемых ими скандинавских портов все мало-мальски ценное до того, как трофеи достанутся немцам.

С этими кораблями разобрались просто. Снять команду, по паре снарядов ниже ватерлинии – и все, только пузыри пустили. С четвертым провозились дольше – продовольствие топить оказалось банально жалко. Поэтому, недолго думая, воспользовались опытом «Эмдена». Кое-что перегрузили на корабли. В самом деле, почему бы матросам не порадовать желудки элитными сырами и колбасами, каких они в жизни не пробовали и уже, скорее всего, не попробуют, а господам офицерам не продегустировать новые сорта вин? Остальное, посадив на судно призывную команду и, заодно, всех пленных, отправили кружным путем в Германию. Как выяснилось позже, ценный приз добрался до цели, хотя и с трудом проскочил британские дозоры.

Настоящее веселье началось на следующее утро, когда локаторы засекли среднеразмерную быстроходную цель, идущую встречным курсом. По всему выходило, что это британский или французский военный корабль, скорее всего, крейсер, хотя, возможно, и эсминец, с местной аппаратурой точнее не скажешь. Возможно, еще и польский, у пшеков оставалось несколько вполне приличных эсминцев, которые после разгрома их псевдостраны ушли в Англию и довольно активно воевали, но это вряд ли. Слишком уж малая вероятность, привычно сформулировал Колесников.

Впрочем, это как раз неважно, чьим бы ни был корабль, ему надо понять, с кем он встретился. А вот немцам понимать ничего не требовалось, друзей в этих водах у них быть не могло. Правда, теоретически здесь можно было столкнуться еще и со шведским кораблем. Эти нейтралы, де-факто поддерживающие Германию, тем не менее, предусмотрительно делали ставку и на наших, и на ваших, так что поделиться с Британией информацией могли запросто. Однако шведский флот маленький и далеко от своих берегов старается не отходить, поэтому такую вероятность также можно оставить за скобками. В общем, надо топить, а кого – потом разберемся.

Германские корабли не увеличивали ход практически до момента, когда стало возможно визуальное обнаружение цели, после чего дали полный ход. Колесников не без основания полагал, что чужому кораблю для бегства (а другого варианта у противника и не было, бой с тремя тяжелыми кораблями – самоубийство) потребуется время на разворот. Развернуть же эсминец, а тем более крейсер, хотя они и считаются маневренными, дело не такое уж и простое. Стало быть, есть шанс накрыть его артиллерией, сбить ход и, сблизившись, утопить. Именно сблизившись – бить с дальней дистанции с нынешним уровнем точности артиллерийского огня занятие неблагодарное. Стало быть, догнать и утопить, а потом быстро сваливать и, желательно, в родной порт – чужой корабль наверняка успеет сообщить о бое, и в океане сразу же станет неудобно.

Колесников почувствовал легкий озноб. Он словно бы воочию увидел, как разворачиваются британские линкоры, чьи снаряды в три раза тяжелее, чем у его флагмана. Как они стягиваются, охватывая его корабли, и как палуба «Гнейзенау» вспучивается от чудовищных внутренних взрывов, когда бронебойные снаряды британцев, проткнув палубу, взрываются, разнося нежное корабельное нутро. Нет уж, нет уж. Активность продемонстрировали, британцам плюх накидали, пора и честь знать. А тонуть из-за чьих-то запредельных ожиданий

он не нанимался. Жаль, сейчас не отвернуть – не поймут-с... А ему, если он хочет и впрямь влиять на ход событий, надо лезть на самый верх, делая себя незаменимым. То есть – побеждать!

Пары к моменту начала атаки были подняты до максимума, но все равно, он физически ощущал, как медленно, с усилием набирает ход бронированная громада «Гнейзенау». «Адмирал Хиппер» разгонялся немногим быстрее, а вот «Шеер» вырвался вперед. Его дизеля хотя и не обеспечивали такой же максимальной скорости хода, как у более новых кораблей, зато позволяли почти моментально выдавать полную мощность и, соответственно, выходить на максимальные обороты намного быстрее. Сейчас это обстоятельство оказалось весьма кстати.

Британцы замешкались совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы носовая башня «Адмирала Шеера» начала пристрелку. Сейчас было не до экономии снарядов, главное – зацепить, потому что опознать британца удалось, и полученная информация хоть и внушала оптимизм, но какой-то очень уж осторожный.

Легкий крейсер типа «Линдер». Какой именно? Да пес его знает. Британцы успели только для себя наклепать пять штук, да еще и своим доминионам что-то подобное поставили. Два таких корабля, правда, при активной поддержке тяжелого крейсера, не так давно разделались со «Шпее». Неплохие корабли, не новые и не старые, постройки начала тридцатых годов. Восемь шестидюймовок в четырех орудийных башнях плюс от четырех до восьми орудий стандартного для британцев калибра сто два миллиметра. Водоизмещение чуть менее десяти тысяч тонн, броня... Да какая там броня, от силы три с половиной дюйма, да и то лишь на погребах, ну и три дюйма палубы. Все остальное вообще бумага, пальцем проткнуть можно, а значит, пара хороших попаданий – и все.

Слабая защита – это, несомненно, плюс. А вот скорость – это уже минус. Даже самого быстроходного в эскадре Лютьенса «Адмирала Хиппера» «Линдеры» превосходили на полузла. Немного, конечно, но когда речь идет о жизни, каждая соломинка может оказаться решающей. Даже такая вроде бы тоненькая.

Тем не менее, тридцать два с половиной узла – это парадный ход на испытаниях. Машины корабля наверняка изношены, и днище хоть немного, да обросло. Немецкие корабли тоже не вчера со стапеля – зато неделю как из дока, а значит, шанс догнать имеется. Хотя бы у «Хиппера», но для британца хватит и его одного. Ну и плюс, сейчас не шторм, но балла четыре еще есть. Для тяжелых кораблей меньше, чем ничего, для более легкого британца – уже хуже. Нет, есть шансы, есть, думал Колесников, стоя на мостике и не обращая внимания на пронизывающий до костей ветер.

Время шло. Орудия медленно отстающего «Адмирала Шеера» тяжело бухали, своей пунктуальностью напоминая метроном. Пока безрезультатно, если даже и были попадания, то их с немецких кораблей не заметили, и скорость британцу сбить пока не удавалось. На самом деле одно попадание все же было, но бронебойный снаряд попал в небронированную надстройку, пробил ее насквозь и бессильно зарылся в волны. Неприятно, однако на боевых качествах корабля аккуратная круглая дырка не сказалась совершенно. В ответ британцы вели огонь из четырех кормовых орудий, однако на такой дистанции попасть в цель из шестидюймовки можно разве что случайно. Да и вряд ли даже в случае успеха такому снаряду удалось бы проломить броню «карманного линкора». А раз так, оставалось лишь подгонять механиков, требуя от них выжать еще хоть немного, и ждать результата.

Наконец «Адмирал Шеер» окончательно отстал, не только от британского крейсера, но и от своих более совершенных товарищей. «Гнейзенау» пока что вроде бы удавалось держаться, а вот «Хиппер»... Колесников присмотрелся – ну да, точно, тяжелый крейсер медленно, но верно догонял британский корабль. Ну, в принципе, и все. Если в ближайшее время не случится ничего экстраординарного, вроде британского линкора, подоспевшего на

помощь орущему на всех волнах эфира незадачливому товарищу, или аварии в машине, то очень скоро все будет кончено.

Все получилось так, как и планировалось. Рано или поздно баллистика превращается в статистику, и британский крейсер получил наконец первый восьмидюймовый снаряд с «Хиппера». Фугас – кэпитэн цур зее Гельмут Хейе оказался предусмотрительнее своего коллеги с «Адмирала Шеера» – разорвался на палубе британского корабля, сделав относительно небольшую пробоину, зато разнеся вокруг все, до чего дотянулся. В течение следующих десяти минут артиллеристы немецкого крейсера добились еще трех попаданий, выведя из строя одну башню главного калибра, броня которой оказалась совершенно неспособной противостоять германским снарядам. Но главное, скорость британского корабля то ли из-за полученных повреждений, то ли из-за проблем с машинами, начала наконец падать.

Дальше не происходило ничего интересного. Скорее, на взгляд Колесникова, шел объективно необходимый, но неприятный процесс уничтожения практически неспособного защищаться корабля. Вначале «Хиппер», сблизившись с жертвой, без особых усилий выбил ему вторую кормовую башню главного калибра и, похоже, вывел из строя рулевое управление. Потом, легко парировав неуклюжую попытку британского корабля развернуться с помощью машин и ввести в дело носовые башни, окончательно сбил ему ход. Ну, а затем подоспел «Гнейзенау» и, сблизившись с британским крейсером, двумя залпами носовых башен окончательно обездвижил противника и привел к молчанию его артиллерию. Последней точкой стала торпеда с «Хиппера». К тому моменту британский крейсер уже пылал от носа до кормы и был обречен, но немцы ускорили процесс. Колесникову не хотелось рисковать, слишком долго находясь на одном месте, и он приказал поторопиться.

Ну, поторопиться, не поторопиться, а людей спасти пришлось. К счастью, крейсер – не линкор, экипаж заметно меньше, не дотягивает и до шестисот человек, а после обстрела с немецких кораблей он и вовсе поубавился. И все равно из волн подняли около четырех сотен моряков, многие из которых были ранены. Немцы в этом бою получили два попадания шестидюймовыми снарядами в «Гнейзенау», оба без пробития брони.

После окончания спасательной операции Колесников отдал приказ возвращаться на базу. Откровенно говоря, можно было бы и еще попирагивать, но не хотелось слишком долго испытывать судьбу. Конечно, тяжелые корабли противника на горизонте пока не появились, но мало ли. В спокойную погоду подняли бы в небо самолет и провели разведку, но сейчас такой возможности не было, а значит, можно было и нарваться, особенно учитывая преимущество британских радаров. К тому же Колесников всерьез опасался, что известная своей капризностью силовая установка «Гнейзенау» после нескольких часов гонки может и отказать, причем в самый неподходящий момент, поэтому, отдавая приказ, он не раздумывал. Все, отвоевались.

Однако, как выяснилось, поход был еще не завершен. Утром следующего дня их посетили с визитом британские самолеты, и результат неприятно удивил адмирала. А ведь как хорошо все начиналось!

Утро радовало глаз солнцем и слабой волной и навевало мрачные мысли о том, что сейчас британцы смогут реализовать свое преимущество в авиации. Подумав, Колесников решил поднять в воздух самолет-разведчик, но его приказание запоздало – британцы обнаружили их первыми. Вначале раздался слабый, на грани слышимости, стрекот мотора, а потом сигнальщик доложил об обнаружении самолета.

Маленький темный крестик на фоне неба, казалось, не летел, а еле-еле полз. И, зараза, не собирался улетать, а целенаправленно следовал за эскадрой. Наверняка успел и определить ее курс, и сосчитать вымпелы, и, возможно, идентифицировать участников веселья. При этом он аккуратно держался вне зоны досягаемости зенитных орудий, тем самым заста-

вив Колесникова остро пожалеть об отсутствии в его распоряжении хотя бы плохоньких зенитных ракет.

Впрочем, «спитфайер» висел над ними в гордом одиночестве совсем недолго. Очень скоро он убрался, зато ему на смену пришла дюжина торпедоносцев типа «суордфиш». Откровенно говоря, меч-рыбы, а именно так переводилось название этих самолетов, особого впечатления не производили. С первого взгляда было заметно, что они морально устарели еще десятилетие назад, и ни одна развитая страна, даже Россия, к которой немцы и без нацистов традиционно относились с чувством некоторого превосходства, таких боевых самолетов уже давно не строила. Тихоходные бипланы с неубирающимся шасси, единственным преимуществом которых был короткий разбег, а значит, способность без проблем взлетать с палубы авианосца. Словом, этажерка этажеркой...

Все так, но вот только под брюхом каждой такой этажерки фаллическим символом летчика морской авиации висела торпеда, а Колесников хорошо помнил, что в той, сейчас растворяющейся в небытие истории именно такие самолеты ухитрились остановить «Бисмарк». И повторять судьбу легендарного линкора ему совершенно не хотелось. Под звуки боевой тревоги разбегались по местам орудийные расчеты, и три корабля приготовились к тому, чтобы накрыться от внезапной угрозы куполом из огня и стали. Ну, или попытаться накрыться.

Между тем британские летчики продемонстрировали, что они не только смельчаки (ну да трусы не летают на торпедоносцах), но смельчаки хорошо обученные. Самолеты разделились, неспешно заняли позиции, а затем синхронно атаковали с разных направлений, заставляя немцев расплыть свое внимание. Действовали они четко, наверняка подобный маневр не раз отработывался и, в конечном счете, принес некоторые плоды.

Как оказалось, зенитных орудий на кораблях стояло совершенно недостаточно, а стреляли немецкие артиллеристы-зенитчики неожиданно паршиво. Снаряды упорно проходили перед атакующими самолетами, бессильно разрываясь в стороне от цели, а «суордфиши» словно заговоренные шли сквозь заполняющие все пространство белые облачка дыма и осколков. А потом эффективность зенитного огня и вовсе упала – корабли принялись отчаянно маневрировать, уклоняясь от сброшенных торпед.

По счастью, единственная торпеда, достигшая цели, не привела к гибели корабля. Хотя выглядело это, конечно, очень эффектно. У борта «Гнейзенау» вдруг поднялся колоссальный пенно-красный сноп воды и пламени – и рухнул, хорошенько облив палубу. Одновременно корабль трянуло, да так, что в рубке никто не устоял на ногах. Оглушенный Колесников, наверное, с минуту мог лишь трясти головой, не слыша почти ничего. В общем, спецэффектов море, а результата практически ноль. Пробоина оказалась очень маленькой и к обширным затоплениям не привела, возникший крен не превышал четырех градусов, но все равно неприятно.

Отработав по немецким кораблям, торпедоносцы развернулись и легли на обратный курс. Вслед им до последнего били зенитки, и один из самолетов все же удалось зацепить. Он вывалился из строя и начал постепенно снижаться, оставляя за собой все более четкий дымный след. Потом от него отделились две темные фигурки, над которыми тут же вспухли белые купола парашютов. Самолет же продолжал держаться в воздухе еще некоторое время, после чего вдруг резко пошел вниз и почти вертикально воткнулся в волны.

– Передайте на «Адмирала Шеера», пускай они подберут летчиков. И пускай обращаются с ними по-человечески – они храбрые люди и заслужили этого.

Голос звучал хрипло, в горле пересохло. Наверное, это был неправильный приказ, все же опять потеря времени. Тем не менее, его команду помчались выполнять бегом, все же авторитет Лютьенса на флоте с недавнего времени был непререкаем. Как же, почти легенда, лучший адмирал германского флота. И, надо признать, ему снова повезло – через пару часов

погода вновь начала быстро портиться, и новых атак британских самолетов не последовало. То ли они не могли взлететь, то ли просто не нашли германскую эскадру, резко сменившую курс, но главное, кораблям удалось оторваться, и вскоре они вновь заходили в Кильскую бухту.

– ...Честно говоря, ущерб от твоих действий для англичан небольшой, хотя пропагандистский эффект, несомненно, имеется.

– А что поделать? – Колесников пожал плечами. – Что получилось – то получилось. Нас заставляли обеспечить активность – мы обеспечили. Как смогли, естественно. Большого от нас сейчас требовать не стоит, все же у островитян подавляющий перевес в кораблях.

– Да бога ради, никто же тебя ни в чем не обвиняет, – Редер устало потер виски. – Вышел в море, победил, еще и пленных целую ораву притащил... Говорю же, пропагандистский эффект неплохой. Но в целом поход малоудачен.

– А вот это еще с какой стороны посмотреть, – усмехнулся Колесников. – Я тут у нашей разведки кое-чем поинтересовался, они поломались, как девочки, но дали.

– И что именно?

– А вот это, – на стол лег девственно белый лист бумаги со всего несколькими цифрами.

– И что это?

– Ничего особенного, всего лишь стоимость страховки морских грузоперевозок. До нашего похода и сейчас. Выросла резко.

– И что?

– Стоимость страховки, – терпеливо, как маленькому, начал объяснять Колесников, – приводит к росту цен на товары. В свою очередь повышается стоимость промышленной продукции и падают доходы населения. Проще говоря, мы увеличиваем инфляцию в Великобритании, одновременно вгоняя их экономику в кризис. А она и так сейчас на ладан дышит. Война. Помнишь, как говорил Наполеон? Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. И, если мы разорим Британию, она сама упадет к нашим ногам.

– А ты прямо делец, – с непонятной интонацией протянул Редер.

– Просто умею думать и считать. И вообще, вспомни, из какой я семьи. Мне прости-тельно.

Ну, а что поделать, Лютьенс по происхождению ни разу не аристократ, а буржуа, сын торговца. Это на флоте не афишировалось, но и секретом не являлось, в особенности между своими. Редер подумал и кивнул:

– Возможно, ты и прав. Хорошо, будем считать, что твой поход удался. Когда планируешь выйти в море в следующий раз?

– Когда у меня под командованием будут оба линкора, – жестко ответил Колесников. – И ни минутой раньше.

– А если прикажут?

– То пускай ищут другого исполнителя, – в тон ему отозвался Колесников. – Распылять силы ради крайне сомнительных успехов – дело гиблое, да ты и сам это знаешь. Нет уж, с двумя полноценными кораблями мы имеем шанс отбиться даже от линкора, а то и сами его раздраконить. Сам помнишь, что было в прошлый раз. А так, как сейчас, чтобы постоянно бояться – нет уж.

– М-да, у тебя за последнее время очень изменились взгляды на жизнь, – протянул Редер. Колесников разом прикусил язык. Вот так-то, сам того не замечая, переносишь свою манеру общения, а другим, тем, с кем бывший хозяин тела общался постоянно, это бросается в глаза. Мысли возникнуть могут... всякие, и не факт, что удастся списать вопрос на контузию. Вслух же он поинтересовался:

– Это плохо?

– Пока ты побеждаешь – хорошо. Но если проиграешь и выйдешь из фавора, тебе все припомнят.

Редер, опытный придворный политик, говорил дельные вещи. Только не в возрасте Колесникова переучиваются, затраты сил не окупаются. Стало быть, остается побеждать.

– Я постараюсь побеждать и дальше, – усмехнулся он. – Если, конечно, мне развяжут руки.

– Ну-ну, – неопределенно отозвался Редер. – Кстати, как тебе удалось столько добиться в Берлине?

– Все та же пропаганда, – Колесников пожал плечами. – Там ведь сидят не дураки и понимают значение наших скромных в масштабе войны побед. Но звучит красиво, и делу дали ход, а заодно продемонстрировали заботу о флоте. Да, кстати, у меня появилась одна мысль.

– Ну-ка? – с интересом поинтересовался Редер.

– Все же наши корабли типа «Дойчланд», на мой взгляд, недостаточно быстроходны. Нужна модернизация. Сейчас вроде бы затишье, в море их выпускать не планируется, так почему бы и не попробовать?

– Вряд ли это получится сделать быстро, да и дорого выйдет. Бюджет флота не резиновый.

– А ты, Эрих, погоди, не обгоняй крейсер. Я прекрасно понимаю эту проблему, но, повторяюсь, есть у меня одна бредовая мысль, как попробовать сделать это и быстро, и дешево.

– Излагай, – секунду подумав, разрешил гросс-адмирал.

– Слышал я в свое время то ли байку, то ли легенду, очень похожую, тем не менее, на правду. Есть в России такой кораблестроитель, Крылов. Слышал?

– Слышал, – кивнул Редер. Немудрено, что он так ответил, все же флот, особенно в странах, которые не числят себя великими морскими державами, очень тесный мир, где все так или иначе друг друга знают или хотя бы имеют представление о существовании того или иного персонажа. – Бывший адмирал Российской империи, пошедший на сотрудничество с большевиками.

– И не прогадавший, – в тон ему ответил Колесников. – Те, кто пошли против, или в Париже таксистами работают, или в земле червей кормят, а он, по слухам, ничего не потерял. Стало быть, умный человек, умеющий заглядывать далеко вперед.

– Ты, я вижу, собирал о нем информацию?

– Специально – нет, но у русских есть хорошая поговорка: слухами земля полнится. Если держать уши открытыми, узнать можно многое, а этот персонаж меня заинтересовал. И есть про него легенда, что однажды, то ли на французских, то ли еще на чьих-то верфях его спросили, почему новый корабль не выдает проектной скорости. Он взял мел, провел на лопастях винта линии и сказал, чтобы укоротили по его отметкам. Это было сделано, и корабль выдал ход даже больше расчетного. Ты понимаешь, к чему я клоню?

– Понимаю, не дурак, – Редер на миг задумался. – Ты хочешь сказать, что этот человек может быстро, одним-двумя решениями и практически без затрат выдать необходимый нам результат?

– Не уверен, но... кто сказал, что нет? Попробовать, во всяком случае, можно. Да и потом, он ведь не один такой. У русских не слишком много рабочих с достаточной квалификацией и не самый лучший станочный парк, но школа у них весьма недурна.

– Можно, – с сомнением в голосе отозвался гросс-адмирал после недолгой паузы. – Вот только как к подобному отнесутся на самом верху? К русским у них отношение весьма предвзятое.

– Наверху, несмотря ни на что, хватает циничных прагматиков. А русских официально в качестве врага никто не рассматривает. Да и потом, разве может человек, выдающий такие решения, быть русским? Он может быть только немцем... или, хотя бы, иметь в предках немцев.

– Интересно, – Редера, похоже, его последний пассаж развеселил. – Ну что же, я не против, попробуй. В конце концов, в рейхе есть специалисты, которые докажут что угодно. Тем более про Россию, где немцев всегда хватало, а вот архивов – нет. Но пробивать будешь сам, твоя идея – тебе и отдуваться.

Ну что же, ход мыслей, вполне приличествующий любому бюрократу. Получится – он поймет с этого свою долю, как вовремя заметивший перспективу и оказавший всемерную поддержку. Ну а не получится – стало быть, он и слыхом не слыхивал об этой аванюре. Что же, таковы правила игры, не мы их изобрели – не нам их и ломать, тем более что полвека спустя все будет точно так же. Колесников медленно кивнул и сказал:

– Мне нужна будет командировка в Берлин.

На этот раз он ехал на поезде. Можно было, конечно, и самолетом, но, во-первых, ехал Колесников не по вызову, а просто в командировку. Соответственно о месте в самолете пришлось бы просить, а быть кому-то должным лишний раз не хотелось. Во-вторых, ему хотелось посмотреть на Германию не через призму памяти Лютьенса, а своими глазами. Ну и, в-третьих, можно было не торопиться, все равно сейчас проблемы флота отходили на второй план. Во Франции началась заваруха. «Странная война», когда немцы и французы сидели в окопах друг напротив друга с категорическим приказом не стрелять, периодически устраивая совместные офицерские посиделки и даже футбольные матчи, наконец закончилась. Закончилась резко, да так, что никто, ни с той, ни с другой стороны линии фронта, этого не ожидал. Соответственно, все пребывали сейчас в обалдении, кто радостном, а кто не очень.

Колесникова, откровенно говоря, проблемы французов не волновали вовсе. Будучи самую малость националистом, он не любил «галльских петухов», считая их хамами семитской наружности. Может быть, в этом времени они и отличались, но он очень сомневался, и то, как немцы их громили, подтверждало его мнение. А вот самим немцам можно было только поаплодировать.

Насколько он мог судить, опираясь на свои неполные и частично забытые знания, процесс развивался так же, как и в его времени. Немцы, вместо того, чтобы тупо ломиться через линию Мажино, теряя людей, время и силы, нанесли удар по странам Бенилюкса, одновременно одним лихим наскоком выводя из войны и оккупируя Голландию. Танковые дивизии прорвались через считающиеся непроходимыми для тяжелой бронетехники Арденны и сейчас стремительно развивали наступление. А французская армия вместе с британским экспедиционным корпусом быстро теряла боеспособность и в панике отступала, бросая технику и вооружение. Фронт, и без того не имеющий сплошной линии, разваливался на глазах. Вот-вот произойдет чудо под Дюнкерком, и сейчас Колесников думал, стоит ли как-то сыграть на этом послезнании, и если стоит – то как?

Ну а пока он наслаждался неспешной ездой, хотя раньше терпеть не мог поезда. Все перевесили удобный вагон, совершенно не похожий на детище родных РЖД, и пасторальные пейзажи за окном. По этим полям еще не прошли танки, и самолеты не высыпали на них тысячи тонн бомб. Все еще впереди, хотя – кто знает?

А еще в поезде был вагон-ресторан, где повара, не избалованные благами цивилизации вроде микроволновок, тем не менее, ухитрились кормить и вкусно, и сытно. И шел поезд с невероятной пунктуальностью, прибывая на станции и отходя от них даже, кажется, не минута в минуту – секунда в секунду. И вышколенный персонал... Словом, поездка оказалась недолгой, но ему понравилась.

Как оказалось, в Берлине о нем помнили. Иначе как объяснить тот факт, что знакомый «хорьх» и знакомый лейтенант оказались именно там, где нужно? И вот они уже едут в ту же самую гостиницу, уютное гнездышко для военных чинов в неплохих званиях, но не в первом ряду. И даже тот факт, что Гиммлер уже назначил ему аудиенцию на вечер следующего дня, особого удивления не вызвал. В конце концов, о его командировке было известно, и догадаться, что самый знаменитый на сегодняшний день адмирал Германии едет в Берлин не только с целью инспекции столичных борделей, труда не составляло. А Гиммлер – не дурак и наверняка оценил, что адмирал сдержал данное слово и сумел-таки повернуть пусть небольшую, но успешную военную операцию. Ну что же, это радует.

В гостинице ничего не изменилось, его даже поселили в тот же номер, что и в прошлый раз. Единственно, народу почти не было – все правильно, нечего им в тылу прохладиться, все на фронте. Однако на чистоте простыней это не сказалось и на обслуживании в ресторане тоже. И певичка та же самая. Как ее? Елена? Хелен. Именно так. И она адмирала тоже узнала. И от приглашения прогуляться вечером, благо погода была великолепной, тоже не отказалась.

Честно говоря, Колесникова слегка мучили угрызения совести. Все же Лютъенс был женат, имел детей... С другой стороны, жена адмирала далеко, не в Берлине и не там, где мужу приходится героизировать. Он как попал сюда – так еще ни разу ее не видел. Да и потом, он же ничего противозаконного не делает – так, гуляет и разговаривает. Имеет, в конце концов, адмирал право не только жизнью рисковать, а в промежутках кучей бумаг заниматься? Поэтому, успокоив совесть и плюнув на то, что по местным, без малого пуританским меркам такая прогулка с трудом вписывается в рамки приличий, он посвятил вечер отдыху и восстановлению нервной системы.

Хелен, кстати, в качестве собеседника оказалась куда интереснее, чем ему показалось в прошлый раз. Во всяком случае, не дура, как многие женщины, встречавшиеся в жизни и Колесникова, и Лютъенса. И ее ресторанная подработка – это так, чтобы было, что на зуб положить. Кушать-то хочется, и, желательно, каждый день, да еще и не по разу. А так – студентка, как раз заканчивающая университет, будущая журналистка, гордая тем, что ее статьи даже иногда печатали в какой-то небольшой газете. Платили за них, правда, сущие гроши, но все же какой-никакой повод для самоуважения это давало.

Вот тут Колесников и сделал ошибку. Не то чтобы серьезную, но все же ставящую и без того короткий отдых под вопрос. Шутки ради предложил девушке сделать про него репортаж. В конце концов, маленькой заштатной газетке эксклюзивное интервью с человеком, чье имя недавно прогремело на всю страну и еще не успело забыться, – это о-го-го! И ухитрившаяся повернуть это молодая журналистка однозначно будет в шоколаде. Думал, засмуется и откажется. Вот только Хелен шутки не поняла, руками и ногами ухватившись за эту идею. Пришлось отдуваться, хотя, с другой стороны, это в будущем могло оказаться полезным. Адмирал хорошо помнил опыт и лорда Фишера, и генерала Кастора. Оба они смогли обеспечить свой взлет еще и благодаря тесным связям с прессой, так что стоило это учесть, и небольшой пиар в будущем мог вполне пригодиться. Ну а что перед ним не светило журналистики, а всего лишь девчонка, слегка напуганная ответственностью и ободренная перспективами, – так ведь надо с чего-то начинать. В конце концов, если у тебя нет пиар-менеджера, то стоит его воспитать.

В маленьком ресторанчике на берегу реки Шпрее они сидели до полуночи. Остальные посетители давно разошлись, и ресторатор уже несколько раз намекал им, что пора бы и честь знать. Вот только Колесников на его намеки внимания не обращал, а в открытую хоть что-то высказать человеку в столь высоком звании хозяин заведения не рискнул, все же чиновничество у немцев на высоте. Нехорошо, конечно, но открытых заведений поблизости не наблюдалось, а альтернативой было отправиться в номер к самому адмиралу или, как

вариант, к Хелен, которая мало того, что жила далеко, так еще и снимала квартиру вместе с подругой. В общем, оба расклада выглядели для девушки максимально компрометирующими, а Колесников все же был джентльменом.

Составлять вопросы для интервью им пришлось совместно. Хелен все-таки была пока еще студенткой, и имеющийся в ее очаровательной головке довольно приличный багаж теоретических знаний практикой не подкреплялся. С другой стороны, Колесников, даже будучи человеком, в жизни не бравшим и не дававшим интервью, попал сюда из века с крайне насыщенным информационным пространством. Соответственно поневоле читал и слушал таких интервью немало, да и что делать на пенсии? И составляли там вопросы-ответы люди, на порядок подготовленнее местных газетчиков. В голове что-то да отложилось, так что в результате их вечерних бдений родилось вполне пристойное интервью, которое девушка завтра же с утра собиралась отнести редактору. Ну, вот и ладушки, только пускай она придумает душещипательную историю о том, на какие жертвы пришлось пойти и чего ей это стоило. Колесников, не откладывая дела в долгий ящик, озвучил Хелен эту мысль, но помогать не стал, с ехидной улыбкой посоветовав заняться самой. В общем, вечер прошел интересно.

Встреча с Гиммлером прошла в очень будничной атмосфере. Рейхсфюреру и впрямь было сейчас не до проблем флота, пускай и ставшего вдруг победоносным. Все же, хотя он и не был связан с армией напрямую, на Гиммлере все равно держалось немало. Единственно, мысль насчет русских специалистов и вариант с ее оправданием через расовую теорию вызвала у него определенный интерес. Обещал подумать – ну что ж, тоже хлеб. И, уже когда короткая аудиенция подходила к концу, адмирал выдал:

– Я тут провел некоторые расчеты. По моему мнению, в ближайшее время британцы попытаются эвакуировать остатки своих войск, скорее всего, через Дюнкерк. Наш флот и без понесенных потерь не смог бы их остановить, и организовать полноценную завесу из подводных лодок тоже вряд ли получится. Их у нас слишком мало...

– Наша разведка говорит о другом маршруте.

– Возможно, – пожал плечами Колесников. – И все же, я думаю, стоит привести люфтваффе в повышенную боеготовность. У меня нет выходов на Геринга, он нас не слишком жалуется.

Гиммлер фыркнул. Тощий Герман был в вечном соперничестве с флотом из-за топлива, поэтому он мог бы выслушать Лютьенса-человека, как и он сам, храброго бойца, но не стал бы прислушиваться к советам Лютьенса-адмирала. Однако по тому, как свернулся разговор, Колесников понял – из-за предчувствий какого-то адмирала никто напрягаться не станет. Ну что же, может, оно и к лучшему.

Двадцать шестого мая одна тысяча девятьсот сорокового года началась Дюнкерская операция, в которой британский флот и авиация проявили героизм и отменную выучку, несмотря на тяжелейшие потери вывезя с территории Франции свыше трехсот тысяч британских и французских солдат.

Пятого июня адмирал Лютьенс был вызван в Берлин. Шестого июня он уже стоял навзятжку перед Гитлером и, как и положено, ел глазами начальство. Сейчас должно было стать понятно, ждет его карьера или проблемы. Верить хотелось в первое, но готовиться приходилось ко второму.

Фюрер всея Германии выглядел раздраженным. Настолько, что воздух вокруг него буквально искрил. С Лютьенсом он поздоровался ровным голосом, но движения его при этом были резкими, дергаными. В общем, классическая картинка на тему «шеф не в духе», а стало быть, попасть под раздачу можно запросто.

В огромном кабинете, заставляющем вспомнить Фрейда и его комплексы, находились еще трое – Гудериан, с которым Лютьенс был шапочно знаком, Гиммлер, вроде бы холодно-

бесстрастный, но при этом чем-то неуловимо похожий на довольного кота, и Геринг. Последний больше всего напоминал собаку, которой отвесили хорошего пинка, и даже, кажется, похудел. Правда, это, скорее всего, был обман зрения – все же нарушение обмена веществ, являющееся последствием тяжелого ранения, не позволяло сбросить вес в короткие сроки. Тем не менее, на фоне Гимmlера и плохо скрывающего раздражение под маской бесстрастия Гудериана командующий люфтваффе смотрелся откровенно жалко.

– И так, Генрих, это и есть ваш провидец? – поинтересовался Гитлер. Дурацкая манера, как будто и без дополнительных вопросов не знает, кто перед ним и зачем вызван.

– Именно так, мой фюрер. Адмирал Лютенс точно предсказал место проведения операции противника и выдал рекомендацию, которая руководством нашей авиации не была принята во внимание. Последнее привело к провалу наших усилий во Франции и позволило британскому флоту провести эвакуацию своих войск из Дюнкерка.

Во как на бюрократическом языке-то чешет, аж завидно. Однако стоит учесть, что угодили вы, милейший адмирал, в самый центр большой интриги и межведомственной разборки. Похоже, Гимmlер все же не пропустил тогда его слова мимо ушей, довел их до соперника за место возле шефа... И наверняка сделал это самым небрежным тоном, еще и со смешком, показывающим отношение к мнению недалекого моремана, полезшего в чужие дела. Профана, который разбирается в армейских, а тем более воздушных делах куда хуже, чем свинья в апельсинах. А сейчас, когда предсказания сбылись, разводит руками и говорит «ну я же предупреждал». И выходит, что Геринг, отхватив свою порцию неприятностей, на всю жизнь запомнит, кому ими обязан. И наверняка это будет не Гимmlер. Ой, как плохо-то...

– Хорошо. Адмирал, как вы объясните свои выводы? – Гитлер смотрел на него с интересом. Он, по слухам, вообще с нездоровым пристрастием любил всякую мистику. Что же, чуточку разочаруем его, но – совсем немного.

– Мой фюрер, там все изначально было ясно. Зная характер того, кто командовал наступлением, – вежливый кивок в сторону Гудериана, – его мастерство, приблизительные характеристики германской техники и возможности наших противников как солдат, вычислить место, где французов прижмут к морю, несложно. Достаточно взглянуть на карту – а у нас хорошие карты.

– Откуда же вы так хорошо разбираетесь в сухопутной технике? – интерес Гитлера не угас, а, напротив, разгорелся.

– Случайность. Буквально накануне я имел разговор с очень грамотным специалистом, который неплохо растолковал мне, что могут и чего не могут танки. Как и любой моряк, я по роду службы вынужден разбираться в технике, поэтому мне не составило труда его понять.

Гитлер повернулся к Гимmlеру, шевельнул бровью. Тот быстро кивнул:

– У адмирала состоялся разговор с генерал-майором Роммелем.

– Очень хорошо. Продолжайте, адмирал.

– Да, в общем-то, и все. Зная место и понимая, что удержаться там ни британцы, ни, тем более, французы не смогут, я рассматривал два варианта. Что наши войска уничтожат их и что окружают и заставят сдаться. Первый вариант выглядел слишком рискованным, поскольку танки, входя в зону действий корабельной артиллерии, абсолютно беззащитны. Даже в случае успеха действия в таких условиях чреваты большими потерями. А я знаю, что наше командование бережет людей.

Насчет последнего он, конечно, загнул, но Гитлеру понравилось. Он кивнул, рефлексивным движением коснулся единственной награды на своем кителе, солдатского железного креста, и, обращая ко всем сразу и ни к кому конкретно, выдал:

– Вот именно. Я провоевал в прошлую войну от первого до последнего дня простым солдатом и знаю, каково это. В отличие от многих наших генералов, так и просидевших в уютных штабах. И я знаю, что вы разделяете мое мнение. Продолжайте, адмирал.

Вот оно как. Значит, информация о том, что было сказано тогда в боевой рубке, уже дошла даже сюда. Хорошо осведомители работают. А еще хорошо, что его слова понравились Гитлеру.

– Исходя из вышесказанного, я пришел к выводу, что противника будут стараться вынудить сдать. Также я знаю, что британцы вряд ли на это пойдут. Сама по себе потеря такого количества солдат оставляет их метрополию практически беззащитной в случае высадки нами даже незначительных сил десанта. Поэтому я просто поставил себя на место их адмиралов и пришел к выводу, что при очевидной слабости германского флота можно обеспечить вывоз хотя бы части войск. Что и было ими проделано. Очень рискованный вариант, но у них просто не оставалось выбора.

– Именно так, – задумчиво кивнул Гитлер. – Именно так. Может быть, в таком случае, вы объясните нам, почему наши доблестные люфтваффе, – резкий кивок в сторону дернувшегося, как от удара, Геринга, – не смогли этому ничего противопоставить, хотя обещали нам, что смогут обеспечить безусловное господство в воздухе и пресечь любое хамство британского флота в зоне досягаемости нашей авиации?

– Могу только предположить, – вежливо наклонил голову Колесников.

– Предполагайте. Нам интересно выслушать ваше мнение.

– Я считаю, что дело здесь не в каких-либо ошибках командования, – Колесников уловил на себе удивленно-недоверчивые взгляды собравшихся. Просто удивленные – Гитлера и Гудериана, с толикой надежды – Геринга, и слегка раздосадованный – Гимmlера. Похоже, отступить было уже поздно, надо гнуть свою линию. – Все дело в том, что наша авиация воюет. Очень хорошо воюет, оказывая, в первую очередь, достаточно эффективную поддержку наземным частям, – Гудериан согласно кивнул, – да и мы к летчикам каких-либо серьезных претензий не имеем.

Здесь он, конечно, покривил душой – о грызне между флотом и авиацией за ресурсы в Германии не знал только ленивый. Однако же это вполне вписывалось в рамки обычного соперничества, а потому было принято Гитлером достаточно благосклонно.

– Наша авиация воюет, – продолжал Колесников. – Обеспечивает нам победу. А самолетов у нас не то чтобы очень много. Хотелось бы больше... И в результате наши пилоты совершают по несколько боевых вылетов в день. Перегрузки же в воздушном бою, как я слышал, серьезные. День можно выдержать, два, но несколько недель? Я поражаюсь выносливости и боевому духу наших летчиков. Однако всему есть предел. Люди устают, техника изнашивается. И данное обстоятельство не было учтено в полной мере. Только вот вина в том не командования, а наших врачей, которые все еще не смогли толком определиться, сколько могут выдержать летчики без потери боевой эффективности, а сколько нет.

Геринг кивнул благодарно. Гитлер, внимательно слушавший, усмехнулся:

– У британцев должны быть схожие проблемы.

– Отнюдь. Насколько мне известно, островитяне и здесь схитрили и предали. Вместо того чтобы бросить все силы на прикрытие войск, своих и французских, они придержали авиацию, предпочли сохранить силы ценой гибели французских солдат. И в нужный момент просто выложили этот козырь. Обороняться же легче, чем нападать. Вместе с корабельными зенитками они смогли отбиться, вот, собственно, и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.